

СМЕНА

2

1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

БЫТЬ КАК ЛЕНИН

В самые трудные для нашей Родины дни Великой Отечественной войны против немецких захватчиков великий Сталин ошеломил наступавших свои войска: «Пусть осенят вас победоносные знамя великого Ленина! Советский народ, осенённый этим знаменем, руководимый товарищем Сталиным, разгромил врага, добился блестящих побед.

Ленин, как живой. О нём говорят, как о живом, у него участь, идут по пути, им указанным. Дело Ленина бессмертно. Его бессмертие в великих идеях. Оно во всём историческом победах социализма и демократии. Величайший соратник и друг Владимира Ильича товарищ Сталин провозгласил: «За здоровье Ленина и ленинизма!» Эти слова как нельзя лучше говорят нам о вечно живом Ленине.

Имя Ленина, имя Сталина носят в своих сердцах наши юноши и девушки. Самая заветная их мечта — быть, как Ленин, как Сталин. Быть такими же преданными своей Родине и непримиримыми к её врагам детствами. Быть такими же принципиальными, правдивыми и честными, такими же трудолюбивыми и скромными, дисциплинированными и мужественными — мечта всей нашей молодёжи.

Советская молодёжь верна заветам Ленина, указаниям товарища Сталина. Она видит весь смысл своего существования в верном служении народу, решая, как учил её Ленин, каждый день, каждый час в любом городе, любой деревне малые или большие задачи общего труда. Наша молодёжь посвящает свою жизнь осуществлению светлого идеала всего передового человечества — построению коммунизма.

В стране безграмотной, говорил В. И. Ленин, обращаясь к молодёжи, построить коммунистическое общество нельзя. Чтобы строить коммунизм, нужно учиться, накапливать знания. Теперь наша молодёжь самая культурная, самая грамотная молодёжь мира. Велика её жажда к знаниям. Народ всячески поощряет это естественное стремление молодёжи, закономерно высмеивая тех, кто не желает учиться.

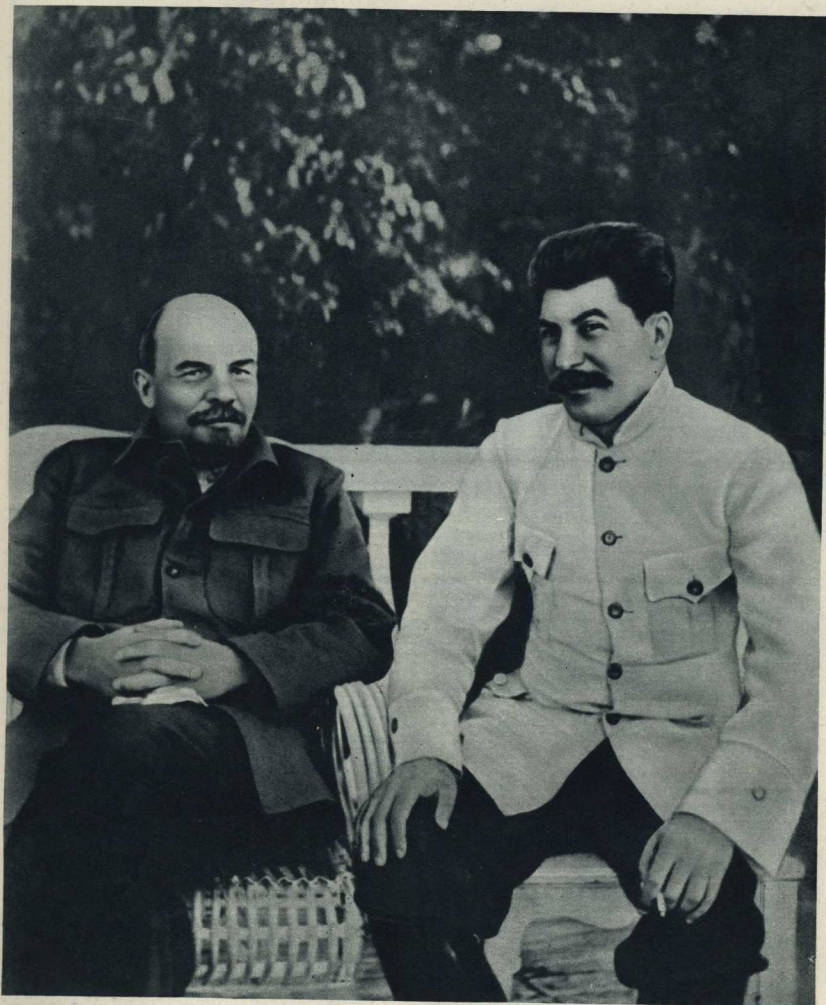
Коммунистическая мораль требует подчинения личных интересов общим интересам народа — она опирается на высокую сознательность. Вот почему каждый из нас призван учиться, повышать свои знания, осваивать основы марксизма-ленинизма.

Быть такими, как Ленин, как Сталин, — значит воспитывать в себе ясность цели, настойчивость в достижении цели и твёрдость характера. Партия воспитывает юношей и девушек бодрыми, уверенными в своих силах, смело идущими навстречу всем трудностям и настойчиво преодолевающим их. Кто боится трудностей, говорил В. И. Ленин, кто даёт себе запугать ими, кто впадает в отчаяние или малодушие, растерянность, тот плохой строитель социализма.

Следуй заветам Ленина, партия учит молодёжь скромности, чуткому отношению к людям, высокой требовательности к себе. Не зазнаваться, не отрываться от масс, быть постоянно вместе с народом, учиться у народа — вот к чему призывает Владимир Ильич, вот к чему постоянно призывает товарищ Сталин.

Единообразные великими идеями Ленина — Сталина, молодые воины Советской Армии в годы войны шли на ратные подвиги. Александр Матросов, Николай Гастелло, Лиза Чайкина, Юрий Смирнов, Зоя Космодемьянская, Саша Чекалин и сотни других героев изумили своими подвигами весь мир. В мыслях и сердце каждого из этих бессмертных героев были Ленин и Сталин. Они воспитали такую молодёжь.

Единообразные благородными идеями, молодёжь заводов, фабрик, шахт, колхозов, молодёжь великих строек свершает в наши дни изумительные трудовые подвиги. В мыслях, в сердце каждого нашего юноши и девушки одно стремление: жить и работать по Ленину, по Сталину.

В. И. Ленин и И. В. Сталин в Горках в 1922 году.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Январь. № 2. 1953 год.

Год
издания
30-й

ПО ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА

В. КРАСИЛЬЩИКОВ

Фото Г. Версова

У КАРТЫ РОДИНЫ

На стене в коридоре техникума висит большая карта «Великие стройки коммунизма». Курчавыми грядками тянутся лесные полосы. Через реки перешагивают белые грестищи платин, образован голубые каины морей, и рядом с ними — чёрные флажки высоковольтных мачт. На одних мачтах красные звёзды, на других звёзд нет. В левом нижнем углу карты список: против мачты со звёздочкой — гидроэлектростанция действующая, без звёздочки — «строящиеся». Сверху по всей ширине карты крупными, прочно вписанными в фон буквами: «Коммунизм — это есть Советская власть электрификация всей страны». Чьей-то рукой подрисована звёздочка к мачте Цимлянской ГЭС: была строящаяся — теперь действующая.

Всё больше и больше красных звёзд загорается на карте Родины.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза указал в своих директивах: «Внести в действие крупные гидроэлектростанции, в том числе Куйбышевскую на 2100 тысяч киловатт...» По пути Ленина, под руководством Сталина идёт страна к коммунизму.

САМОЛЁТ НАД ВОЛГОЙ

— У телефона начальник стройки.

— На правом берегу встаёт экскаватор, а нужные части едут только на аэроме.

— Перелёте на самолёте.

Медленно уступает место дню долгая зимняя ночь. Всё кругом покрыто снежной пеленой, синевато-серой в морозном тумане утра. Люди откровенно у Волги добрую половину её русла под котлован гидроэлектростанции, отгородились от реки высокой дамбой — перемычкой из земли, камня и стали, выкачали воду из котлована. Но река не уступает. Норовистая, она устремилась в оставшийся проход с удвоенной силой и не замедляет. Широкая чёрная промина нарушила сообщение между берегами.

На полевом аэродроме левого берега уже толпятся люди: тому, кто поспешит в Жигулёвск по срочному поручению начальника района, тот вечером получит комсомольский билет и теперь возвращается на свой экскаватор, тот везёт медикаменты для поилкашки.

И у всех дела самые срочные, самые важные, не терпящие ни минуты отлагательства. Всех надо перелететь за короткий неаппетитный день.

Идёт к своему «яку» Валентин Дьячков. Хрустит под ногами спрессованный ветром снег.

Механик уже подготовил самолёт.

— Всё в порядке! — хоромно докладывает он.

— Грунтё части для экскаватора! — командует Дьячков.

И вот уже ныряет в самолёте. Захлопнула дверца кабины. Булькает, прогреваясь на малых оборотах, мотор, но вот прозрачным кругом становится разрубленный воздух винт. Небольшой разбег — и машина в воздухе.

На строительстве Куйбышевской ГЭС.

С начала стройки летает над Волгой Дьячков. Как же изменились волжские берега за эти два с половиной года! Когда он прилетает сюда первый раз, не видно было под крылом ни Соцгорода, ни Комсомольска, ни блестящей тёмносерой анлейки шоссе...

Самолёт идёт над линией будущей платины. Гигантской полковой с разогнутыми концами аэрга поперёк Воложки и Тельчяево острова перемычка котлована водосливной платины, упирающаяся в крутой и высокий берег у Комсомольска. Какими маленькими по сравнению с перемычкой кажется с высоты намышившие её земснаряды!

Миновал Тельчий остров, самолёт пролетает над Волгой. Далеко в реку врзаеся котлован гидроэлектростанции. С высоты видна надпись на шпунтовой стенке: «Сталин — это мир».

В котловане экскаваторы, утеснившиеся на уступах забоев, буровые установки, насосные станции, копы, бульдозеры, грузовики. А ещё дальше высятся серое здание бетонного завода, каутирны пар над множеством железнодорожных составов, тянутся ровные, строго спланированные ряды домов на новых улицах Жигулёвска.

Вот и аэродром. Валентин убирает газ, машина заметно теряет скорость и, пробрав по полю, останавливается.

И вот уже ящики с частями экскаватора погружены на подкатывающий «зис».

...Когда Валентин, взяв обратных пассажиров, снова поднимается в воздух, ему хорошо виден бегущий по шоссе грузовик с ящиками.

НА ПРАВОМ БЕРЕГУ

В котловане парит всёдаля разноголосица звуков. Тяжело ухает и отдувается паровые копы — молоты, вгоняющие стальные балки-шпунтины в перемычку, чтобы крепче стала земляная насыпь и смогла выдержать любой натиск Волги даже в половодье.

Как во время сражения, гулко сотрясается воздух — это подрыльники разрыхляют для экскаваторов тяжёлый грунт и смёрзшую корку земли. Ревут дизельмоторы стоек грузовиков, пронзительно-резо взывают акси сирины. Всё движется, хлопочет, спешит. И кажется, что уже совсем не зима и совсем не холодно.

Грузовик останавливается перед забоем. Двое рабочих проворно бросает в кузов несколько дошат сухого розовато-жёлтого порошка — доломитовой муки, — чтобы не примерзла к железному полу и бортам анлейки и тёмный грунт.

Внимательно следит за копшем Василий Косеев. Официально он ещё не экскаваторщик, он пока учится на комсомольско-молодёжном экскаваторе имени матроса Железняка, но его учитель Сердюков справедливо считает, что вполне можно доверить машину. Василий прискака на великую стройку сразу после армии.

Была у него и хорошая, нужная здесь специальность: он служил шофером. Но захотелось поработать и на экскаваторе.

Потомский сидит он за рычагами своей новой машины, привывает. Пятнадцать десятитонных самосвалов не успевают за ним. Вместо девяносто кубометров он вынимает за смену тысячу триста, а то и больше. Но всё недоволен: видит, что можно работать и лучше.

— Вот автотранспорт нас задерживает, — жалуется Василий. Помочь экскаватору пришла учительница Тамара Шаповаленко. Она поправила на голове пуховой платок и устроилась в будке рядом с Василием. В руках у неё тетрадь и карандаш. Она то и дело поглядывает на часы и что-то записывает в тетрадь.

Хронометрируя, — отвечает она на вопросительный взгляд Василия. — Когда какая машина подходит, когда уходит, сколько стоит. И твои задержки будут видны. После смены разберёмся, вместе подумаем...

Василий разбирает перемычку, отделяющую береговую часть котлована от речной, чтобы соединить их в одно целое. Скоро по проложенному пути двинутся на территорию, отнятую у реки, другие экскаваторы, подравняют, подчистят дно, и тогда на их место придут бетонщики...

...И встанет там, где сейчас работает комсомолец Василий Косенко, высокое здание гидростанции, побегут от него провода в разные концы родной земли, несё людям свет, тепло, радость...

НА ЛЕВОМ НЕ ОТСТАЮТ ОТ ПРАВОГО

Канатная дорога необходима стройке. Она свяжет воедино оба берега. Ещё выгонетки будут перевозить в сутки тысячи тонн щебня, гравия, песка и других материалов. На километры протянутся по левому берегу тросы «канатки». Не успеет грузовой поезд везти конструкции стальной опоры, как за них уже берётся монтажники.

Мачта собрана. Довольным хозяйским взглядом осматривает её монтажник Борис Воитов и похлопывает рукавицей по стальным балкам, точно хочет их подбодрить: стойте, мои, не шатайтесь.

Придирчиво проверяет его работу бригадир Михаил Соболев. Стучит молотком и слушает, не забребезжит ли какой-нибудь угольник — хорошо ли затянуты крепления. Борис. Но мачта только звонит в ответ, словно довольна работой: крепко свинчена, надёжно скреплена!

Михаил Соболев — опытный монтажник. Он собирает порталыные краны на Воле-Доне, строит завод, а Борис Воитов только ещё начинает трудовую жизнь. Борис Воитов — белорус, а Михаил Соболев — волжанин. Оба считают стройку родным делом. Вот на ветру лица строителей, каждый день выполняющих по две нормы, вот почему не прощат они друг другу ни минуты задержки.

Отрывистое и настойчивое покрывает сирена в первом этаже берегового завода. Беспокойно смотрит в окно оператор Леонид Залесский. Ещё неуверенны его движения: впервые он занят такой важной работой. Но за ним с готовностью присматривает диспетчер Алексей Васильев. Ему так же, как Леониду, двадцать лет, но он уже опытный работник. У него солидный стаж волеводца.

Уверенно нажимает кнопку Леонид — ярко вспыхивает на пульте управления контрольная лампочка, бросая на сосредоточенное лицо юности малиновый блеск.

Подходят, грузятся и отправляются без задержек самосвалы. И от скрепящего паренка во многом зависит, чтобы в срок получили бетон нижний ярус и жёлоб городок, фундаменты канатной дороги и строительство города Комсомольск.

Только вчера за перелесом стремительно изгибались овраги, прорывающиеся за сотни лет капризной водой.

А сегодня перелесок превратился в штабеля дров и груды выкорчеванных пней. Скреперы и бульдозеры с яростной настойчивостью утаптывают пригорки впады оврагов. И завтра здесь будут ровные поляны, поляны, какую нужно строителям, чтобы покроче взлудать Волю. Скоро исчезнут и тот перелесок и остров, и поедет на новое место город Ставрополь, освобождая дно будущего моря.

Скоро...

ЗАВТРА БУДЕТ СВЕТЛЕЕ

Сумерки пригнут от людей седые плащадки. И только тысячи огней по берегам Воли говорят о том, что работа продолжается. Застывает вечерняя смена. Утренняя возвращается домой. Кто ждёт автобус, а кому и на автобусе предстоит проехать километров десять — двадцать.

Темно и холодно на улице, но идут по ней пары, не замечавшие ни ветра, ни холода. Два человека в стёганных ватниках и валенках — он и она. Быть может, именно общее дело и общие мечты свели их здесь, на великой стройке, с тем, чтобы соединить их в один жемчужный камень.

Многолюдно в комсомольском клубе. Репетирует «Свадьбу с приданым», занимаются в аэрагитерном, акробатическом, хоровом и других кружках электрики и шоферы, бульдозеристы и бухгалтеры. Строительный интерес и увлекает всё.

По вечерам вокруг библиотекарши Ани Курдюковой собирается особая публика. Люди, охотники читать, и о том, как работала библиотека в годы войны. Люди, охотники читать, и о том, как работала библиотека в годы войны. Люди, охотники читать, и о том, как работала библиотека в годы войны. Читатели просят книги, журналы, вырезки, они хотят знать, как вчера работали сталинградские гидростроители, что нового за

— Всё в порядке! — докладывает старший бортижник Николай Ступин пилоту Валентину Дачкову.

последнюю неделю в Каховке... Во всех этих вопросах первый знаток и авторитетный советчик — Аня. К ней приходит не только за книгой, но и посоветоваться, поделиться впечатлениями и мыслями. Не случайно комсомолцы Шаховского района выбрали её в свой комитет. Работала делом от котлованов и бетонных заводов, Аня тоже строит.

Вечер — время учёбы. После работы идёт на занятия в филиал Куйбышевского индустриального института баггермейстер Александр Лебедев. Он готовится девушку:

— Ну, как у вас на подстанциях дела? Комсомолка из Латвии Ауэра Белола приехала на стройку после окончания десятого класса, но специальность у неё не была. Она поступила на курсы высоковольтников и теперь работает в Комсомольске в аварийной группе. «Золотой человек» — говорит о ней товарищи. Приехала — русского языка почти не знала, а сейчас на втором курсе энергетического факультета, только когда её и отличные отметки получает.

Торопится на занятия и те рабочие-строители, кто ещё успеет, выучившись, поработать на строительстве техником или рабочим. Ещё летом экскаваторщики Каменев и братья Нечепуренко сидели за рычагами своих машин. Теперь они на полтора года уехали за парту.

Говорившей, беспокойной грубый входит строителем в коридор техникума. Они проходят мимо карты великих строек коммунизма, висевшей на стене. Нет ещё красной звёздочки на мачте Куйбышевской ГЭС. Но она скоро появится, появится и на других мачтах, появятся в сроки, назначенные XIX съездом партии. Завтра зажгутся посёлки...

ИВ ФАРЖ —
общественный деятель, Франция.

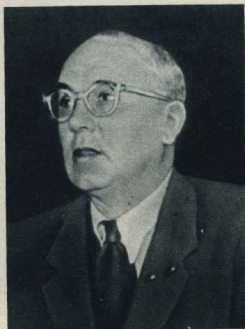
САЙФУДДИН КИТЧЛУ —
председатель Всемирного Совета Мира.

ЭЛИЗА БРАНКО —
деятельница Федерации бразильских женщин.

ПОЛЬ РОБЕСОН —
известный певец и общественный деятель, США.

ИОГАНЕС БЕХЕР —
поэт, Германская Демократическая Республика.

ДЖЕЙМС ЭНДИКОТТ —
свицкинец, магистр искусств, Канада.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ —
писатель.

ГЛАШАТАИ МИРА

Беседа корреспондента журнала «Смена» с членом Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами» академиком Михаилом Садовому (Румыния).

Недавно закончил свою работу Конгресс народов в защиту мира, который выразил горячее стремление всех людей доброй воли не допустить войны и обеспечить мир. Большое значение в борьбе за мир имеет присуждение международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами».

Международные Сталинские премии в 1952 году присуждены представителям демократических сил различных стран мира: французскому общественному деятелю Ив Фаржу, председателю Всемирного Совета Мира Сайфуддину Китчлу, деятельнице Федерации бразильских женщин Элизе Бранко, известному певцу и общественному деятелю США Полло Робсону, поэту демократической Германии Иоганнесу Бехеру, канадскому священнику и магистру искусств Джеймсу Эндикотту, советскому писателю Илье Эренбургу.

Самая молодая среди лауреатов — Элиза Бранко. Но все борцы за мир молоды, ибо их деятельность направлена против атомщиков, против душителей народов. А борьба за мир — это борьба молодости мира.

Направляясь из столицы Румынии в Советский Союз, я видел из окна вагона, как сильно изменились места, по которым проезжал год назад. Мирное строительство преобразует облик и мовой страны. Мы никогда не забудем, что мир и счастье нам принесла Советская Армия. Мы постоянно ощущаем дружескую помощь Советского Союза.

Расцветом счастливой жизни мы обязаны знаменитцу мира Иосифу Виссарионовичу Сталину. Великий вождь народов является для нас отцом и учителем. Его имя известно и любимо во всех уголках нашей страны. Сталин ведет нас, как и другие народы, на новые подвиги во имя мира и прогресса.

Академик Г. КРЖИЖАНОВСКИЙ,
заместитель председателя Комитета содействия
строительным коммунам Академии наук СССР

УЧИТЕСЬ, СОВЕРШЕНСТВУЙТЕСЬ, ДЕРЗАЙТЕ!

Программа дальнейшего развития народного хозяйства, принятая XIX съездом Коммунистической партии, открывает перед нами ещё более величественные перспективы развития всех отраслей нашей промышленности, культуры, строительства, сельского хозяйства.

Никогда ещё в истории человечества строительство гидротехнических сооружений не получало такого огромного размаха. Никогда ещё в истории техники не осуществлялись столь смелые и дерзкие планы. Недавно сооружённый и пущенный в эксплуатацию Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина, строительство гигантских гидроэлектростанций и каналов на Волге, Днепре и Аму-Дарье являются вершиной современного инженерного искусства.

Многочисленный народ нашей страны с энтузиазмом участвует в осуществлении грандиозного сталинского плана. Стройки коммунизма стали поистине великим всенародным делом.

Советская молодёжь является активной участницей великих строек. Трудовой героизм и творческая инициатива советской молодёжи исключительно ярко проявляются на сталинских стройках. Сотни тысяч комсомольцев и комсомолок, только что окончивших городские и сельские школы, ремесленные училища и школы ФЗО, становятся первоклассными механиками и каменщиками, машинистами и гидротехниками, водолазами и шоферами.

Комсомольцы сооружают шлюзы и воздвигают дамбы, строят жилые дома и ведут научную, исследовательскую работу. Без преувеличения можно сказать, что основной состав строителей гидроэлектростанций и каналов — молодёжь, воспитанники ленинско-сталинского комсомола. Их вклад в это великое дело поистине грандиозен.

Нельзя не радоваться этому росту молодой армии тружеников великих строек коммунизма! Нам, представителям старшего поколения, особенно радостно наблюдать, что такая бодрая, вооружённая знаниями, волевым молодёжь идёт нам на помощь.

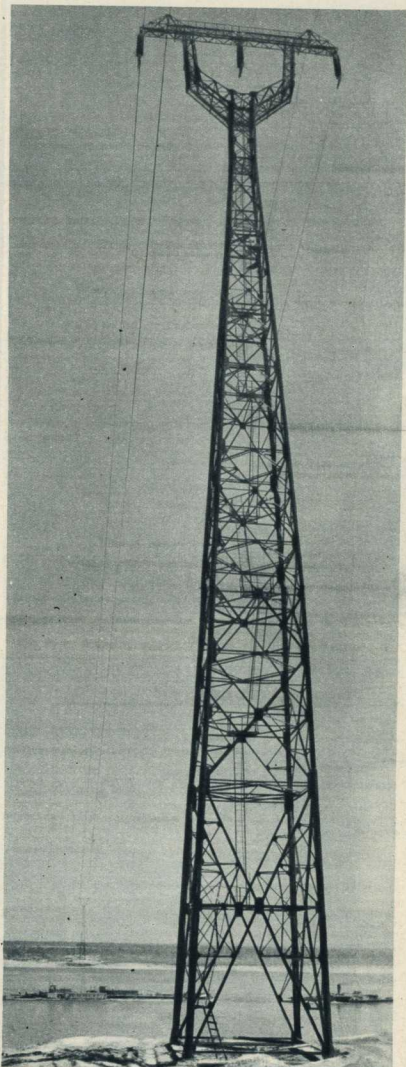
Наша советская молодёжь хорошо знает, что прогресс в народном хозяйстве немалым без развития энергетики. Электричество находит всё более широкое применение в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в быту. И кому же, если не нашей молодёжи, способствовать развитию электрификации в Советской стране!

Ещё в первые годы существования Советского государства В. И. Ленин и И. В. Сталин указывали на огромное значение электрификации народного хозяйства, без чего немалым коммунистическое строительство. Мне памятен день, когда Владимир Ильич впервые поставил вопрос о сплошной электрификации молодой Советской России.

Уже тогда он видел нашу страну покрытой сетью электропроводов, он видел будущие гидроэлектростанции, плотины и каналы. «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны», — говорил Ленин, подчёркивая величайшее значение плана ГОЭЛРО, принятого в конце 1920 года на VIII съезде Советов.

И с тех пор на всех стройках гидроэлектростанций — от Волховской ГЭС до крупнейших в мире Куйбышевской и Сталинградской ГЭС — молодёжь нашей великой Родины идёт в первых рядах строителей, показывая примеры мужества и самоотверженности в труде.

Встречая исторический XIX съезд партии, Герои Социалистического Труда волгодонцы И. Ермоленко, Е. Симак, А. Уаесов и А. Усков обратились с письмом к молодым рабочим великих строек. В письме говорится: «И вот настал тот желанный, волнующий час, когда ты видишь перед собой уже готовое сооружение — плотину или шлюз, здание гидростанции. Бегит вода по каналу, маленький ручеек превращается в мощный поток. Подходят к шлюзу узкие длинные флаги и цветные клавирные суда. Мерный гул турбин доносится из-за массивных дверей машинного зала электростанции. Принимай, Родина, новый подарок своих сыновей-создателей!»

Сталинградгидрострой. 90-метровая переходная опора высоковольтной линии электропередачи через Волгу.

Фото А. Маклецова

Да, явля Коммунистическая партия оказывает огромное доверие комсомолу, возлагает крупные надежды на славленную армию молодежи. Нет сомнения в том, что ленинско-сталинский комсомол с честью оправдает это высокое доверие, как оправдала его на всем протяжении своего боевого пути под руководством партии.

Суровые, морозные дни стояли в Жигулях зимой прошлого года. Холодный, пронизывающий ветер заметал дороги и мешал работать. Даже теплые полушубки и валенки не спасали от холода. Но молодые гидростроители мужественно несли трудовую вахту.

На сооружении котлована и перемычки работаала преимущественно молодежь, комсомольцы. Бодливые стройки коммунизма являются замечательной школой для армии строителей, особенно для молодежи. Здесь исключительно ярко выливается коммунистическое отношение к труду, воспитывается уважение к технике, закаляется чувство дружбы и товарищества.

Сколько энтузиазма и неподдельного влечения вкладывают наши молодые рабочие, работники в свой труд, направленный на создание машин, станков, оборудования и материалов для великих строек коммунизма! На многих оживленных заводах, на рудниках, карьерах и в мастерских созданы стахановские и комсомольские группы помощи сталинским стройкам. Мы работаем для великих строек коммунизма — так говорят пакеты в цехах предприятий, где изготавливают оборудование для новых ГЭС и каналов.

Не сомневаясь, что многие читатели журнала «Смена» сами являются участниками строительства великих сооружений коммунизма и знают, как много заводов и фабрик работает для новых каналов и гидростанций. Днем и ночью по стальным магистралям страны проносятся эшелоны с грузами для сталинских строек. На товарных вагонах надписи: «Строителям Куйбышевской ГЭС», «Для сталинградской гидроэлектростанции», «Казанской ГЭС», «Строительству Главного Туркменского канала». Какие только машины, станки и конструкции не идут в сторону великих строек со всех концов СССР! Советские люди достигают новых блестящих успехов в электрификации Родины. Достаточно сказать, что общая мощность электростанций должна возрасти за пятилетие примерно вдвое, а гидроэлектростанция — втрое. Таких темпов и масштабов электрификации не знала ещё мировая история. Такие темпы и масштабы возможны только при социалистическом общественном строе.

В. И. Ленин не раз говорил, что электрификация создаст окончательную победу оном коммунизма в нашей стране. Товарищ Сталин указывает, что для продвижения к коммунизму советская власть должна электрифицировать страну.

Мне хочется во весь голос обратиться к молодежи великих строек: учитесь, совершенствуетесь, дерзайте! Учитесь у стариков, учите отставших, не останавливайтесь на первых победах, стремитесь вперед и вперед! Обогащайтесь знаниями и помните, что будущее поколения трудового человечества никогда не забудет вашей самоотверженности, красоты ваших поступков, вашей преданности Родине!

В пустынях Туркмении развернулось немалое по размаху строительство. Созданию Главного Туркменского канала явится решением комплекса важнейших народнохозяйственных задач. Огромная оросительная сеть протянется свыше 50 тысяч километров, по которой потечет вода Аму-Дарьи, охватит в пустынь территорию в 1300 тысяч гектаров и обводит свыше 7 миллионов гектаров земли.

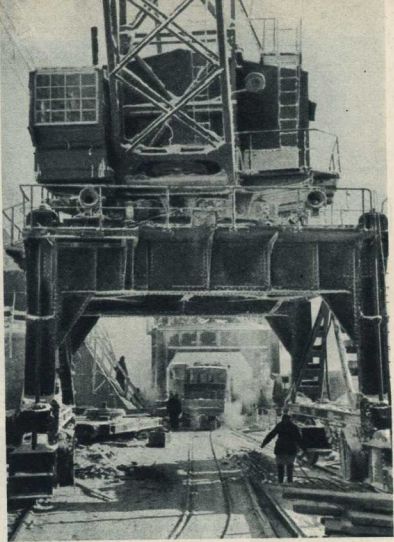
Тысячи молодых людей самоотверженно работают на великих стройках в Крыму, в Казахстане, в Кавказе. Они пришли сюда год — два назад, робкие и неопытные, только что оставшие школы и ремесленные училища.

Бурный темп стройки захватил их. Они стали помогать опытным строителям, потом работать самостоятельно, а теперь многие из них стали знаменитыми оксидаторщиками и машинистами, гидротехниками и воловальщиками. Тысячи студентов наших вузов — индустриальных, архитектурных, экономических — стремятся в период своей практики и по окончании институтов и университетов попасть на стройки коммунизма и там по мере своих сил и способностей проложить стройку коммунизма, совершая великие подвиги. Посылайте их туда, посылайте — девушек, только что окончивших высшие учебные заведения.

Молодые специалисты порой проявляют себя как истинные новаторы и изобретатели. Не так давно испытательная станция Института строительных материалов Академии наук Армянской ССР успешно произвела испытание строительного, предельно легкого сооружения — панночного заместителя металла. Оно широко используется при сооружении волжских и других гидроэлектростанций.

Можно было бы многое ещё рассказывать о доблести молодых рабочих, строящих Северо-Крымский канал, Куйбышевскую и Сталинградскую ГЭС, о героических строителях Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина. Список передовиков коммунизма грандиозен, и этот список непрерывно пополняется новыми именами.

Сталин — инципатор и вдохновитель величайших строек, помогающих нам ещё быстрее идти к нашей заветной цели — к коммунизму. Сердце каждого советского человека наполнено чувством величайшей благодарности великому вождю народов.

Портальный кран на эстакаде. фото А. Гостева

ПОКОРЕНИЕ ИРТЫША

Борис ГАЛИЧ

Баженички Павел Васильевич Синельников, домик которого стоит на левом берегу Иртыша, дошел до красных дри.

Нпротив его бревенчатой избы, на правом берегу, вырос целый городок — крепкие оштукатуренные двухэтажные дома, высокая краснокаменная школа с металической оградой и белоснежными скульптурами, клуб с колоннами, здание управления строительства с нарядно украшенными входами и много других красивых зданий.

Глухой, угрюмый в прошлом край разбулжен для новой, счастливой жизни. Электрический ток привел в действие тысячи машин в колхозах, поезда на электрифицированных железных дорогах; он будет бурить земные толщи, взрывать в недра гор. Немисчислимые запасы, исковыпанные рудного Алтая. Аслуги этот край. Разбулжили его веселые и упрекие советские люди, толпе, как, напри-

мер, Жанали Каримбаев. Кажется, совсем недавно прорубились первые строители сюда сквозь прибрежные скалы, расковылали камень, взрывали его. Был тогда Жандия совсем юным парнем — усы только пробивались. Пришел тогда молодой казах на стройку вместе со своим отцом Каримбаев из родного села Кельминбета. Низкий спорный у них не был: работали простыми канальщиками, сбрасывали куски взрывчатых скал в Иртыш, и всегда пенная волна с грохотом утаскивала валуны вниз по течению.

Нынче старый Каримбай уже на пенсии, а молодой возмужавший сын его вершит большие дела.

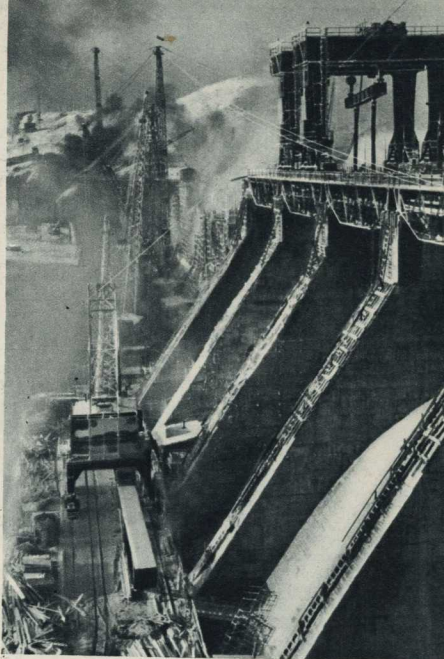
Если бы не летало, сколько бы ещё сделал, устал, изучил старина Габла Ершов, и радостно становится ему. В вышечном, просторном машинном зале электростанции Ершов, забравшись

На монтажной площадке строительства (слева направо): слесарь-сборщик Александра Юлмакова и молодой инженер Валерия Филиппова.

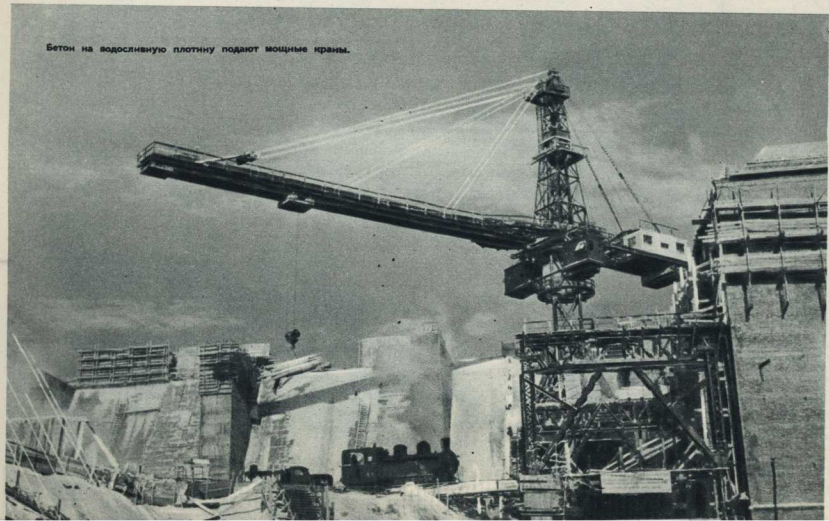
под самый потолок, управляет массивными мостовыми кранами. Каждый из них может поднять в воздух более шестисот тонн.
...Плыли по Иртышу на стройку большие баржи. Паровозы подталкивали тяжеловесные составы. На монтажную площадку поступали грузы с четырехсот заводов страны. Но не всякий груз было легко доставить на строительную площадку Усть-Каменогорской

гидростанции. Так, например, колесо турбины, изготовленное в Ленинграде, не умещалось на платформе. Инженеры предлагали паравезти колесо по Беломорско-Балтийскому каналу, по Белому морю, отсюда Великим Северным морским путём доставить в устье Оби и уж по Оби направить его на Иртыш, к месту назначения. Потом приняли второй вариант: гигантское колесо

Водосливная плотина Усть-Каменогорской ГЭС.

Бетон на водосливную плотину поддают мощные краны.

разрезали на две части, и вот так, половинками, везли, а на стройке их сварили.

Глеб Ершов уверенно управляет металлической громадой. Переводя рычаги, он заставляет кран послушно двигаться вперёд и назад, опускать гигантскую лалу — крюк, подавая тяжёлые массивные части агрегатов и тащить их в указанное место.

Дальё Иртыш, сурова природа Восточно-Казакстанской области, но разве могут устоять расстояния, горы или реки против седой энергии усилий советских людей! Могуча наша сталинская индустрия, и создаёт она день ото дня всё более сложное, более мощное оборудование. Гидротурбины Усть-Каменогорска больше, крупнее, чем те, что работают на Днепрогэсе, на Цимле, в Рыбинске, на Свири — на всех действующих электростанциях Советского Союза. Но и эти турбины покажутся маленькими по сравнению с теми, что вступают в строй в Куйбышеве и Сталинграде. Вот как шагает советский народ в будущее!

Поглядите вы на Глеба Ершова — словно всю жизнь командовал он мощным механизмом! А ведь только на днях он стал самостоятельно работать. Его выучила Дуса Махшавая, опытная красавица, овладевшая специальными томами на этой стройке. Глеб был учеником бурлящика, сверлил шурфы, потом взрывал каменную стену горы Притор, копрамывала, и к самолёту Иртыш. Теперь тут железная дорога в две колёса, автомобильный путь первого класса. А ведь первый экскаватор волокли сюда на санях в разобранном виде, та же санях даже перевез далеко в обезд. Увидев тогда Глеб чудесную машину, и потянуло его к ней. Закончил он строить дорожку, выучился на экскаваторщика, работал на машине четыре года, даже до малого шагающего дошёл. Окончили земляные работы, разобрал Глеб последнее перемычку и пошёл к Дусе: «Выучи, Махшавая, на красовица». Так Ершов стал монтажником, а скоро будет эксплуатационником.

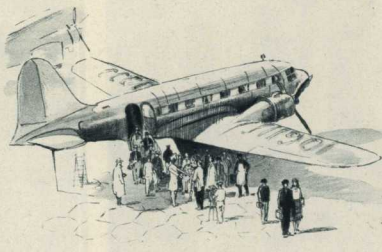
Прекрасной, хотя и суровой школой жизни является иртышская стройка для сотен людей, судьбы которых сходны с судьбой Жанадллы Каримбева, Глеба Ершова, Дуси Махшавой.

Не так просто «оседлать» неукротимую реку, легко она не сдаётся. Тут нужны и долгие поиски разведчиков-геологов, исследовавших гранитные берега и дно Иртыша. Нужен и точно рассчитанный технический проект. Необходимы слаженные действия взрывников, водителей землечерпильных машин и автомобильных, бойцовиков, арматурщиков.

Все эти отряды должны выступать в тесном взаимодействии и в порядке, и только тогда им обеспечена победа. Своевольный Иртыш не раз пытался скинуть с себя бетонное седло, которое набрасывали на него строители. В весеннее половодье, когда с Алтайских гор сбегает бурлящие потоки, Иртыш поднимал перемычки, стремился проникнуть в строительные котлованы, и тогда требовалось немалое мужество, чтобы в союз с мощной техникой отразить его атаки.

Но советские люди покорили его, победили Иртыш.

Рисунки Г. Филипповского

Георгий РУБЛЕВ

ИНДУС В МОСКВЕ

Встречали мы друга из Индии Теллыми весенним днём. Мы гостя ни разу не видели, Но всё уже знали о нём.

Два круга над лётной площадкой, Стремительный разворот,— Мы видели: шёл на посадку Серебряный самолёт...

И вместо торжественной речи Вдруг, оглядев простор, Радостно нам навстречу Ружки индус протёр.

Платок с головы он скинул, И стала нам всем видна Тонкая паутинка — Равнина седина.

И всех оглядев с вниманьем, Отвасис Москва поклон, Тихо, как заклинанье, Что-то промолвил он.

Нам объяснил переводчик: Гость, приветствуя нас, На Красную площадь хочет С друзьями попасть сейчас.

Доктор сказал: с дороги Должен гость отодвинуть; У готта большие ноги, Нелёгкий проделан путь...

На крыльях своего волнения, Повторил переводчик за ним, И слово родное Ленин Слетело с суровых уст.

— К Ленину,— словно эхо, Повторил переводчик за ним. Шурыша по траве, подышал Приземистый светлый «ЗИМ».

Выпрыгнул из кабины, Дверцу открыл шофёр. Но гость не вошёл в машину, Мимо неё прошёл.

— К великому человеку Разные есть пути. Мне сердце велит не ехать, Приказывает идти.

И, поставив немного, Слушая сердце своё, Он двинулся в путь-дорогу, Будто бы знал её.

Уже адалеке мелькали Дымки — вместе с ним туда Железные мачты проводов. Держа на плечах провода.

В мире одна есть правда; Он шёл к ней путём прямым! Вось устремлённый в златра Герод лежал перед ним.

Путь к Ленину — как восхождение В гору. Он шёл с трудом. Но чем он был ближе к Ленину, Тем шире простор кругом.

Величественнее и проще, Чем он рисовал себе, Взор открылся площадь, Стены Кремля в резьбе.

Ему уступили очередь; Индус мог пройти вперёд.

Но он сказал переводчику, Что постоит, подождёт.

И где-то уже у Манежа Влился в людской поток, Как в океан безбрежный Маленький ручей.

Все шли поклониться Ленину. И думал индус про него: «Как Ленин любил вселенную, Так любит она его!»

Сошёл по ступеням и замер, Встретившись с Ильичём. Внутри Мавзолей, как зная, Светится кумачом.

Не гость в чашме белоснежной, Торжественно величав,— Индия вся с надеждой Смотрела на Ильича.

Сдаи экзамен.

Г. Маизер.
Московский художественный институт имени В. И. Сурикова.

Лучшая фрезеровщица Московского инструментального завода комсомолка Вая Медникова.

Фото Г. Борисова

Н. КОНОПЛИН

НИКИТА МУЗЫКАНТ

ИЗ РАССКАЗОВ, ПОСТУПИВШИХ НА КОНКУРС ЖУРНАЛА «СМЕНА»

Звонок пропел ворота, распахиная настужь. И этот звук отозвался в сердце Никиты радостной дрожью. Мальчик ста коленими на мягкое пахучее сено и, вытянув шею, посмотрел на степь в предутренней дымке, на светлосеяное небо. Звёзды торопливо скатывались за горизонт, и лишь одна — большая, яркая — никак не хотела гаснуть. Смутно белела широкая просёлочная дорога. По обеим сторонам её танулись тёмные дома. Электрические фонари отбрасывали на землю жёлтые блики.

— Никита, Никита, трогай, не дремал, сынок! — закричал от ворот отец. В сырмом воздухе голос его казался грухим.

Никита торопливо поправил кепку и дёрнул поводья. Рослый мерин Пегаш нагнул голову и неторопливо потянул со двора телегу, гружённую битой пшеницей, мукой и яблочками. За спиной Никита слышала шумное дыхание молодой кобылки Барыни. Это на другом возе ехал дед Сашок, невысокий, шуплый, с бородкой камышом.

Больше всего на свете дед Сашок не любил молчать. Казалось, слыва так и распырала его, заставляя беспокойно шевелить губами даже в минуты раздумья. И сейчас Никита слышала, как дед Сашок шуршала соломой, бурчала что-то, а потом громко спросил:

— Никита, а Никита... ты бы баян взяла, а то на ярманке покупателей завлекать было бы им...знато...

— А я и не умею завлекать. Я сёрбыную музыку играю, — буркнул Никита обиженно.

У ворот на телегу сел отец. Он был коренаст, русоволос, и на широком лице его удобно разместились глаза, такие же голубые, как у Никиты. От сапог его слышно пахло дёгтем. Отец взял поводья, дёрнул, и Пегаш, почувствовав руку настоящего хозяина, пошёл быстрее. Никита оглянулся, чтобы узнать, как движутся остальные повозы, и увидела, как по росистой, словно обсыпанной сахаром траве следом за их возом протянулись тёмные прямые полосы.

Когда проезжали мимо фонаря, отец сказал:

— Ох, беда с этим Константином: никак он в себе хозяйской жилки не выработал! Это правда надо сказать. Ишь, светаю уже, а он всё свет жёбт. Спит, что ли? Вот я его на собрании приструню. Ты мне напомни, Никита, как будем назад ехать...

— Ладию, — сказала Никита и вздохнула, зная, как хабство кричит отеч нерадивых колхозников на собраниях. Ему стало жалко элетрика. Несмотря на свои двадцать лет, Кости любил

возиться с ребятишками, одноклассниками Никиты. Он рассказывал им о работе турбины, давал смотреть вольтметр и вообще был нужным человеком. Как это его утсродило не во-время заснуть?

Телега с грохотом въехала на мост. Никита слышала, как падает вода о деревянные сваи, но самой реки не видела: вся она курилась белым паром. Громко вскрикнула у берега лягушка, ей отозвалась другая, и всё смолкло.

Никита села на возу, свесив ноги в новых хромовых сапожках. Синюю стуконную курточку он расстегнул, так как в воздухе потеплело, а кепку свиннула на самую макушку.

Голубые задумчивые глаза Никиты быстро склеивались всё. Вот вдаль, за изгибом реки, открылось здание гидроэлектростанции. Оно словно пылало в тумане, и лампочка в вышине ка-лакомобильна наосной стеньщи.

Неожиданно налетела ветор и, радостно загудев, словно до-вольный тем, что дотгла Никиту в чистом поле, затеяла с ним игру: то уходила за реку, то снова откатывалась в степь. Он до-носил до слуха мальчишка стекающий плеск волны, и шёпот пшеничных колосов, и резкие крики ворона на придорожных вет-лах. Эти звуки волновали Никиту, и сердце билось в груди сильно, внятно, и в ушах, всё нарастая, плак два голоса: реки и степи — и постепенно слетались в едва опухшую мелодию. Никита пожала, что не взяла баян, — так захотелось наиграть всё, что слышалась.

Сегодня Никита первый раз в жизни отрывалась с отцом на ярмарку. Отец его ехал потому, что правление поручило ему продать на базаре муку и яблочки, а Никита пошла из-за вода совершенно неожиданно. Правление репало приобрести новое пиянино для колхозной музыкальной школы. Всё складывалось на обратном пути от ярмарку отрывалась обоз с продуктами. На грех, заболела учитель музыки Серафим Фёдорович. Стали поговаривать о том, что покупку придётся отложить, и Никита згворела: старое пиянино пришло в ветхость, и занятия музыкой могли прерваться на неопределённое время. Но в последний вечер, накануне ухода обоза в город, к Никите приехал Серафим Фёдорович, невысокий старик с чёрными, как смоль, усиками и совершенно седой головой. Никита очень удивилась, когда Серафим Фёдорович сказал:

А я к тебе пришёл, Никита... Да, да, именно к тебе. И по этому сёрбыному делу, мой мальчик.

Вечер стоял тихий и тёплый, а Серафим Фёдорович был а тёплым шарфом на шее. Никита с жалостью смотрела на учителя.

Лицо Серафима Фёдоровича заметно побледнело, и твёрдые усики чётко выделались на матовой коже.

— Дело в том, Никита, что я решил поручить тебе подобрать пианино, — говорил Серафим Фёдорович, поглаживая и вытирая со лба пот. — Я знаю твои силы, мой малыш... Ты вполне справишься.

— Ой, страшно, Серафим Фёдорович! — ужаснулся Никита. — Лучше пусть кто-нибудь другой.

— Кто же? — спросил Серафим Фёдорович и поднял на Никиту усталые, в красных прожилках глаза.

— Не знаю...
— Тогда поверь мне, Я-то уж знаю своих учеников! Придвигайся, поговорим о деле.

Это значило, что Серафим Фёдорович решил окончательно и отговорить его на любое никакое возможное. Никита покорино вздохнул и, подперев ладонями подбородок, стал слушать-наставления учителя.

Пришёл отец и увёл Серафима Фёдоровича в свою комнату. Из-за неплотно прикрытой двери доносился их приглушённый голос. Потом затрещали половицы под тяжёлыми шагами.

— Честное слово, странно, — помыслил то удаляющийся, то приближающийся голос отца. — Послать мальчика с таким важным поручением! Не нашлось никого повзрослее, кто бы!

— В музыке главное — талант, а не возраст, мой малыш! Вы бы послушали, как он играет «Времена года» Чайковского, — настаивал Серафим Фёдорович. — Я верю в вашего сына и потому доверяю ему покупку со спокойной душой. Документы же оформите вы сами.

Но ведь он не может понимать всей ответственности поручения, ему легко обидеться, — не сдержался отец.
Словом, всё это кончилось тем, что сегодня чуть свет отец расстался с Никитой и сказал ему, ещё не совсем проснувшегося: — Вставай, покупатель, пора!

Никита и гордился поручением и побивался: вдруг он выберет пианино, а отца не поправится. На него ведь так трудно угождать!

Никита повернулся на бок и посмотрел на отца. Тугой воротник гимнастёрки плотно охватывал его загорелую шею. Лицо, освещённое розовым светом восхода, было задумчиво. Наверное,

опять вчера ночью мать уговаривая его согласиться на предложение из района — идти работать заготовителем в райпотребсоюз. А отец сердился и возражал, что ему и колхозным бригадиром быть неплохо. Несколькими раз такими разговоры случались при Никите, и он уже заметил, что после них мать долой день раздражённо хлопает дверями и лицо у неё становится некрасивым, старым. Отец же больше помалкивал, и Никита вполне одобрял такую его политику. Он по собственному опыту знал, что в минуты гнева мать лучше не трогать, кроме неприятностей это ничего не приносит...

Телега покачивалась. Никита лежал на спине и смотрел вверх. Ранним утром небо над степью белое, холодное. Но стоит зарогреться восходу, и тут уже лёгкая розовая зыбь трогает застывшие на горизонте ещё со вчерашнего вечера облака. В вышине проступает одна — другая волна света... И земля тоже оживает. Целый хор голосов встречает восход. Неуютно звенит в траве кузнечики, которых здесь называют коняками, отрывисто «бьют» перепела, пересистывают тушканчики...

Никита чутко прислушивался. Он жина теперь музыки. Ночами ему подолгу не дава уснуть шелест посеребривших луной листьев сада, днём тревожили песни работающих в поле девах. У него в шкапчике хранилось уже немало испасанных нотных тетрадей. Но знал об этом немногие. Никита был самолюбив и застенчив.

— Ну, вот и Дон показались — проговорил отец и хлопнул вожжей по боку Пегаша. — А ну, дорогой, ходи веселей.

Никита подняла голову. Далеко впереди показались высокие горы в молочно-белых пеллиных мезовых оползней. А у подножья их раскинулись могучий донской паёв. На середине Дона виднелась чёрная движущаяся точка — паром. «Ух, широко!» — подумал Никита, замарая.

Воз покачнулася, и сухая спина дёда Сашки замаячила рядом с широкой отцовской.

— А ну, оложди огоньку, Данилмач! — попросил дед и громко зевнул. — Скучно в извозе, не уважаю я это дело, аж вздремну от досады.

Сухо чиркнула спичка, дед Сашок зачмокал, и над головой его закурдывались низкий дымок. Никите представилось, что это задымилась коричневая дёдова лысина, и ему стало смешно.

Ну, теперь-то дело быстрее пойдёт! Дон-батюшка показывается, — заметил дед Сашок. — Эх, и намного же река! Недаром столько везут про неё сложен! Как это? — Он помогал и всерг затану дребезжащим телорком:

Как ты, батюшка, сланный тисый Дон...
Ты кормилец наш, Дон Иванович,
Про тебя лежит слава дёбрам...

— Слава добрая, речь хорошая, — подхватил басом отец.

Никита лежал и слушал, как дед Сашок и отец пели песню. Широкая, плавная она поднималась над степью, такая же ровная и необходимая здесь, как эти даёвские горы, река, небо. Никита замер, затая дыхание. Он не заметил, как подёхал к реке. Только когда под кобасами зашуршала песок и лошади стали, Никита очнулся. Он соскочил с воза и побежал к Дону. Сделав легко шагав дед Сашок. Паром только что причаина к тому берегу.

Никита шёл по сырому песку. Возом в хвостянем набегали на мезовые галбы, блиасы о них. Водяные струи расчёсывали на их боках лохматые водоросли, словно прили волос. Из глубины мезового вышлала серая тупорылая гоговалы и зачавлала в зёвёном фантастическом свете. Но вот на воду упала тель Никиты и упала, как серая стрела, метнулась в сторону и мгновенно исчез.

Никита окунул пальцы в воду. Она была холодная. Мальчишка постоял, подумал и медленно поёрл к возам. Здесь уже откудало появился новый человек — широкоплечий мужчина с бритой головой и добрыми серыми глазами. В одной руке он держал удочки, в другой — свёрнутую чыгарку. Отец зажёг спичку, поднёв её брыку. И Никите бросилось в глаза, что руки у них обоих одинаковые: натруженные, в мозолях.

— Слесарь? — коротко спросил отец, кинув русоволоосой головой в сторону брыка.

— Угу... с Сельмаша, — ответил тот, вдыхая дым. — Порыбалить в отпуск приехал...
Он постоял, помогал, приглядываясь друг к другу. Рядом с невысоким бритоголовым брыком отец казался великаном. Осторожно, следило боёв сломать, отец взял удочки, осмотрел их своим придирчивым взглядом и отдал слесарю. Под усами беснутил в улыбку зубы:

— Добрые удочки!

— Ты кем же в колхозе? — спросил слесарь, обращаясь к отцу так, словно они были знакомы давным-давно.

— В полеводстве занят... бригадиром.

— Ну? Вот здорово! — почему-то обрадовался слесарь. — Как с урожаем дела?

— Хаёв хорошие...

— Так, так, а то мы в городе беспокоимся: не прислушал ли кто-нибудь? А ну скажи, как наши сортировки у вас действуют?

— Неплохо. Не обижайся, — усмехнулся отец. — Давайте побольше. — Он хотел, видимо, еще что-то добавить, но тут подошел паром, и началась погрузка.

У причала ржали лошади: толстый паромщик деловито коммандовал:

— Выважо, вправво завозит жеребчика...

Никита стоя на покатиномся настиле, крепко уцепившись руками за перила. Ленивые волны разбивались о понтона, обдавая салюги бастетскими брызгами. Казалось, что река кипит. Отец помахивая фуражкой остающемуся на берегу слесарю, Никита тоже махнула ему рукой.

Из-за мыса показался колабный пароход. Он пыла медленно, вяло, и плавающие улары паром, что это пылает в Московку над лабсом. За пароходом тянулись баржи. На одной из них из-под откнутюго ветром брезента виднаея золотистая роспись пшеницы.

Отец и дед Санюк проводили баржу згялдом, и Никиту поראהло строгое и даже какое-то горюественное выражение их лиц. «Наверное, они думают сейчас, что это пылает в Московку хлеб, который сдал государству наш колхоз», — догадался Никита, и тоже сделала серьёзное лицо. Ведь и он имеет к этому делу кое-какое отношение: совсем недавно водил Никита своё пионерское зяно на сыр колхозок.

Пароход прошёл, но увы долго ещё набегала на берег. Когда же собрался отчаливать, подкатила ещё одна повода. На ней волеало черноволосый уктобный мужчина с держым взглядом. Выхая на паром, он сразу же затеял шумный спор с пассажирами. Заметив его, отец намурился.

— Ох, не любю молодёжь! — сказала он делу.

А черноволосый подошёл к отцу и, подбоченясь, — мне, мол, всё тын-трава — воскликнул:

— С добрым утром, Сергей Данилач! Никак едешь колхозные изаинчи городскому жителю продавать?

— Здрово, Семёичкин! — отозвался сдержанно отец. — Опять на базар? Кого ты работаешь, скажи на милость?

— Работа не мелочь — в асе не убоек. В колхозе и без меня народу уйма, — ослышался Семёичкин и подмигнул Никите: — Верно, папан? Вот везу продавать продукцию собственного хозяйства. Ты почём будешь яблоки отдавать?

— А тебе это зачем? Всё равно цену заомошь... Спекулянт ты, прямо надо спастись!

— Ишь, святой выискался! — огрызнулся Семёичкин и стал пробираться к своему возу.

— Ничего... Будет время — прихаюнем твою лавочку, — проговорил отец спойкою.

Никита хотел крикнуть Семёичку что-нибудь обидное, но не смог найти нужных слов и только с презрением отвернулся от него.

От Дона к городу вёл прямой, гладко укатанный грейдер. Лошадки пошли быстро, и вскоре на горизонте выросли белые башни колодез, дома и деревня.

Вот и базар. Еды подковы выехали на широкую площадь, отец усадил Никиту на воз повыше и сгладил:

— Ты посиди, сынок, а я пойду цены посмотрю. От воза не отходи, — и скрылся в толпе.

А на Никиту обваом свалился разноголосый гул: ржали лошади, гудели, рзворачиваясь, грузовики. В глазах у Никиты зарыбало от красок, когда он посмотрел влод рядов. Вот пламенем горят помидоры, выложенные высокой кучей; вытес ищбам над разбитым арбузом, а его собирают желтые рядом зелёные, тутже, ожидая покупателя; словно выпавший снег, голубеет в чашках творог. Вот молодая накинута на плечи половец шаль, а впадавая, выстуныющая из платки, восклицает: «Ну, пропала теперь вся ребята на селе!» А вон и Семёичкин стоит на возу и бойко покрывает:

— А ну, навались, у кого деньги завелась... Яблочка высиний сор!

Никита ажмурила брови, совсем как отец тогда, на пароме. Давешнее неприязненное чувство всплынуло с новой силой. «Откуда берется такие люди? И почему терпят их взрослые? — думал мальчик, а базар всё шумел и шумел.

Отец вернулся весёлый.

— Народу наехало — повернётся негде, — сообщила он, улыбаясь. — Урожайе сильный! Встретился с с друзьями из соседних колхозов, и решил мы Семёичкину и ему подобным цены сбить. Пусть-ка попрыгает. Как ты полагаете: правильно?

— Конечно! — обрадовался Никита.

— Вот теперь можно и в музыкальный магазин отправиться, — проговорил отец. — Дед Санюк тут за всем присмотрит.

Сердце Никиты замерло, а потом забилось так гулко, что он испугался: вдруг отец услы-

шит и поймёт, что он волнуется. Стараясь придать своему лицу безразличное выражение, Никита поправил кепку и зашагал за отцом. Когда они поровнялись с телегой Семёичкина, Никита увидел, что покупатели здесь не задерживаются, а сам он, прислонившись к колхозу, растерянно поглядывал на проходящих.

— Ага, теперь будет зыять! — торжественно провозгласил Никита. — Нет, сынок, его не сразу проймёшь, — возманил отец. — Эти люди цепкие, живучие.

В музыкальном магазине их сразу провели к заведующему. Он сидел за столом в конце коридора, уставленного лыжками, и что-то писал.

Выслушав отца, заведующий пробыла:

— Ну, что ж, выбор у нас богатый. Целая партия пианино поступила. Сейчас их подготовят к осмотру. А вы сами-то откуда поехали? Из-за Дона?

— Оттуда.

— Как урожай?

— Хороший, отменный, надо прямо сказать!

Никита слушал и удивлялся как всех интересует урожай! Люди разные, а зябота одна. С таким вниманием и искренними уважением услуживают они отцу! И как же это он, Никита, не замечает, что отец у него такой видный человек? С какой стати отцу бросать такую почетную должность в колхозе и идти работать заготовителем? И зачем толкоть мама этого зявывает? Нет, ничего у неё, конечно, не выйдет!

Потом их вывели в комнату, где стояли пианино. Пока Никита переходил от одного инструмента к другому и трогал клавиши, из-за прилавка вышла один продавец. Он заметил, что Никита заинтересовал необычный покупатель. Наконец мальчик оставил зяботу сса на круглый табурет. Что же сыпать? Стараясь, сохранив поверхность крикнул отравку отцовского лица. Глаза Сергея Даниловича смотрели ласково, одобряюще. И сразу стало легко.

Никита одним движением поднял крышку и положил плавцы на клавиши.

Тонкий, радостный, как луч солнца, звук задрожал в воздухе. И вот зазвучала песня, которую Никита слышала утром на берегу. «Как ты, батюшка, славный тихий Дон...» И постепенно в оенную мелодию, словно звонкие ручейки, стали стекаться другие звуки. Никита играл о том, как пламенет восход над травах, как весело встретить солнце. Никите было и радостно и хотелось плавать от восторга... Когда замолчала последняя аккорды, все захолопало в ладоши; и продавцы, и заведующий, и другие покупатели, которых так захватывала игра Никиты, что они не могли сдерживать с места, пока он не кончил.

Сергей Данилович похлопал Никиту и воскликнул:

— Берём пианино... Спасибо, сынок!

А вечером Никита отец лежал на пахучем сене, и воз медленно катился по дороге. Солнце садилось за тумную гучу. Воз всё совсем скрылся, и над тучей веером разбегались багровые лучи.

И жар отсыпал с каждой минутой, и небо стало розовым, потом белым, потом синим, словно покрываясь оксамидом.

Никита думал о том, как встретит его деревенские ребята, что скажут ему про покупку учителя Серрафим Федорович и как он, Никита, будет рассказывать электрику Константиному о своей поездке...

Мальчик зажмурился, пожевая так и снова отерла глаза. Небо стало зялым. Налетел порыв ветра. Где-то неподалёку шумела Дюк без устали набегала на песок волны. Брызги их, казалось, стелили становились всё больше и больше.

«Написать бы обо всём этом песню!» — мечтательно подумал Никита.

И под стук колёс стала раздвигаться чистая, как родниковая вода, мелодия. Они шпирялись, захватывала всё существо Никиты, и он улыбался уже сквозь сон.

Сергей Данилович остановил лошадь, пригласив мальчика своим пианино и поелуга делу, который подошёл прикрутить:

— Умалас мальчонка... Пелый день в зябота... — Он помодал немного, потом вздохнул: — Борся, как бы не захватил-аю его, как бы не избавоался... Жена ведь заставит его играть на свадьбе. Я не пуста, покрутас с ней...

— На-а, — протянула мать, — характер у твоей супруги зяжым! А мальчонка — талант, что и говорят! Ты его, Данилач, берети... Мы тебе всем колхозом поможем... Гадный, Гаинка новый вырастет... Ты не улыбайся: дело я говорю.

Разговор прервался, только вспыхивали и гасли красивые точки паваро.

А Никита лежала, разметавшись на сене, и улыбалась во сне.

НА ЗИ ПРОС

Зимний спортивный сезон — кубкежес, лыжные и зимние поля, на снежном

Молодые рабочие, колхозники соревнуются в фигурном катании

Спортивному мастерству, выходящих спортсменов. Птицей пролетает шайба по поверхности катка молодого человека... Это Юлия Николаевна

СССР по фигурному катанию. Вот, поднимая клубы дыма, они одного фалжжа, спортсменист... Это мастер спорта в выполнении фигур своей страны могут поспорить

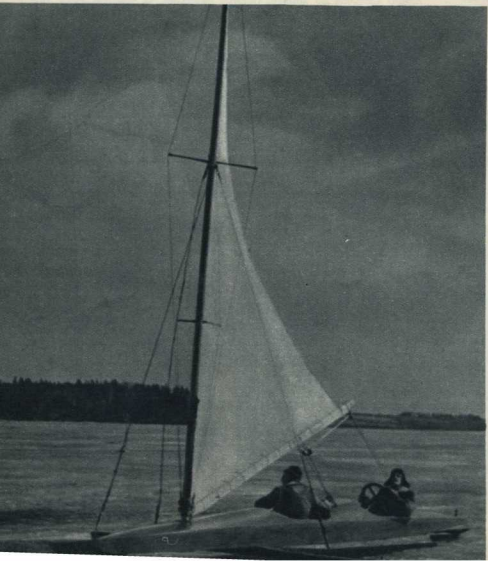
Преодолев снежные препятствия и финишу гонимых лова, С. Овчинкин, Ю. Арлов — команда общества спорта в мотокроссе, выиграла

Е ряды мастеров и девушек. Юноши и девушки становятся сильными, ловкими

Спорт в нашей стране развивается в большой размах. Талантливые спортсмены в массовом кроссе этой зимы выигрывают миллионы лыжников и посвященный открытие

вышши тысячи лыжников взои в традиционной массовые лыжные кроссы

Массовые лыжные кроссы, соревнования в нашей стране становятся

Фотографии В. Гребнева, М. Богашёва, Г. Малиновского, В. Федотова, В. Гиппенрейтера, В. Смирнова и

ИМНИХ СТОРАХ

сезон в разгаре. Тысячи коньков, буреистов вышли на асфальтовые зимние просторы.

Молодежь, студенты и школьники, любящие, выдержки. Они учатся у этой страны.

над верховьями пологая конькобежка — чемпионка Казань.

ы серебряной пшан и не сбива претительно пронисится слава ора Владимира Преображенский. савама не многие спортсмены тт с пшан.

заносе, овраги, наведь, выршла мотогощников. Это Н. Соко-Абрамов, Е. Грингаут и В. Фро-ва ВВС. Она завосала первенграв приз имени В. П. Ча-

ут новые и новые отряды молодши любят спорт. Они хотят мши, выносальными.

не принимает с каждым годом олько в профсоюзно-комсомольой примет участие около трёх В городе Горьком на праздник,

то внешнего зимнего сезона, ков. Около 200 команд участво-Аджной эстафете.

росты, соревнования хоккейных мотогощников и буреистов в тт всенародными праздниками.

Д. Герасимова,
Д. Доренского.

ПЕСНИ О СЧАСТЬЕ

Рисунки А. Паукова

Ян ПИЛЯРК
Гигант

Ах, как мне хотелось остаться у реки,
бегушей на юг по просялкам албумим!
Ах, как мне хотелось остаться навечно
на лоне природы, пропахнувшей дымом!

На лоне земли той, где вырастет город,
где нынче возводит народ переправы;
на лоне земли, раскалинной, как горы,
и свежей, как весенние росы травы.

Хотелось остаться на том перекрёстке,
у этих людей, где пришла издалёка,
У тех, что строят смоляные доски
и вьжут просторные рамы для окон.

У тех, что песок просеивают и месят
раствор из цемента, дыма папиросной.
У тех, что поют возле трактора песню
и понае вёдра приносят с извёсткой.

У тех, кто возводит дворцы и театры,
цена для работы, пролётки для склада;
кто видит в глаза наше светлое завтра:
фонтаны и розы среди зелени сада.

Кто в жизни воплощает своими руками,
как в сказке, мечту своего поколения;
кто землю засеял большими делами,
которым дано расцвести среди камней.

Я ритмом огромной работы захвачен,
как сильным теченьем раскованной Лябы.
Хочу быть счастливым в труде и в удачах,
как эти вот люди у пристаней славы.

Перевёл с чешского
В. ЖУРАВЛЕВ

Санда МОБИЛА

Полушубок

Я тебе, товарищ Сталин,
полушубок послалаю,
на узор я подбирала
шёлка лучшие цветы.
Чёрной ниткою печалаю
в нём проходит жизнь бывала,
а в кремлёвских звёздах былая —
сердца жаркая мечта.

Чтобы вышить эти звёзды,
я скрутила много ниток,
в этих звёздах свет свободы,
думы всех людей земли.

Рядом серебром морозным
светлый синий полог выткан —
то в выси ночные звёзды
неба нашего летали.

Вот бежит стальная зинка —
засверкала серп и молот.
Ярким огненным узором
сад украсила скалы горы.
Точно золотые сальты,
виноград ловиле тельцаи,
тут же слана пурпурный ворох —
теплои осени дары.

Вот зелёные просторы,
где, как страж, вершина луба,
выси гор, где слани восток,
где ручей звенит в тишине...

Я хочу, чтоб был он в спору,
мой узорный полушубок.
Для тебя, товарищ Сталин,
мой подарок от души!

Перевела с румынского
Т. СИКОРСКАЯ

Мария КОЛЧАКОВА

Песня о плотинах

Встань, плотина, стройкой новой,
чтоб кругом зазеленел оги.
Только финны да совы
любят жить в ночной тени!

Чтоб хлеба цвели густые,
чтоб исчезло царство тьмы,
Ваши силы молодёжи
отдадим работе мы.

Люди скажут через годы,
вспомяная наши дни:
молодёжь, душа народа,
зажигала те огни!

Сколько дела молодёжи
в наш чудесный лютый век!
Сотню лет вот так бы прожил
нынче каждый человек!

Перевёл с болгарского
С. БОЛОТИН

Петер КУЦКА

Перо

Парторги! Солдаты! Поэты!
Послушайте песню мою!
Стальное перо — вот это —
сегодня и востро.

Как оружие золотое
перед строем застывших рот,
я приняла, навьюжищу стога,
перо, что вручил мне народ.

Чтоб этот кусочек стали
оружием стаа для меня,
шахтёрские лопы бистали
во мраке подземного дна.

В нём жарких мартенов пламя,
в нём дальних дорог ветра...
Недаром в трёхлетнем плаье
есть место и для пера!

Перо — это плуг и винтовка,
народный зрибуи и слуга.
Возьмём его навзятотку,
нацелам его на врага!

Парторги! Поэты! Солдаты!
Одно имя запомнить: пера:
кто в руки не брал лопаты,
не знает цены пера!

Перевод с венгерского

Елена КОЛАЧКОВСКАЯ

Направо — мост, налево — мост...

В тесном восемнадцатом трамвае
на работу еду я
и смотрю в окно, как оживаешь
ты, Варшава, милая моя!

Всё выше встают Маршалковской дома,
вот трава, предместье и Висла сама...

Направо — мост,
налево — мост,
внизу река струится...
Встаёт во весь
гитавский рост
красавица-столица!

Песня стройки звучит бошая,
в котрых по реке проплавляю...
Расцвет твой новый
вижу я,
мой город, Варшава мой!

Мы пройдем с любимой над рекою,
на широкий выйдём мост.
Ласковая ночь, полна покоя,
в Висле блещут сотни ярких звёзд...

Гляжу на родную Варшаву мою
и девушка тихую песню пою:

Направо — мост,
знаю — мост,
простор реки широкой...
Здесь — новый дом,
там — новый дом,
и сотни светлых окон!

И знаю грядишь и направо —
ты красивая, наша Варшава!
Расцвет твой новый
вижу я,
Варшава, столица мой!

Перевод с польского

Алекс ЧАЧИ

Подарки Сталина

Солнце встало, и ночные скрывается тени.
Слой, мой соловей лаской, мой шепот
весенний!
Радуясь я розам, что в саду пылают,
— счастье подарил нам, Рине родная!

Знаешь ли, кто дал нам радость и веселье,
девушка, души моей цветок весенний?
Русские навек для нас друзьями стали,
нам с тобой, Рине, послал подарки
Сталин!

— Ах, скажи мне, милая, что я в поле
вижу?
Что за сила острый паут по пашню
двигает?
— Сила эта поле вспахает утром раптом,
а зовут машины эти тракторами!

Здесь кипит весёлый труд,
здесь люди строят и поют,
— давай спой мы тоже!
С нами он навечно,
как снежные горы,
как быстрые реки,
— тот, кто дал нам счастье,
вождь любимый Сталин!

Народ будет славить
великое имя:
жизнь ты дал народу,
вождь любимый, Сталин!

Перевод с албанского

Герой Социалистического Труда Мария Минят,
фото А. Моклцова

УСПЕХ МАРИИ МИНЯТЭИ

Я. АФАНАСЬЕВ

В бригаде трактористов Маша Минятэи, пятидесятитрёхлетняя женщина, была трактористом. Каждый день в перерывы она читала колхозную газету на родном, украинском языке. Както вечером Маша прочитала статью о знаменитой женщины с Киевщины Степанье Виштанг, до семисот центнеров сахарной свёклы собрала. Вышлак с каждого гектара своего участка.

— Вот нам бы такой урожай получить! — мечтательно сказала Маша.

Женщины, слушавшие её, засмеялись, замалки руками:

— Что ты, всего один год в колхозе, а ты уже хочешь рекорды урожай! — Это было на Буковине. Трудно было работать на полях помещиков, а об урожае свёклы более чем сто центнеров с гектара и не слышали. Земля не знала удобрений, а крестьяне даже понятия не имели об агротехнике науки. Но Маша крепко запомнила статью о знаменитой женщины. Мысль о создании своего звена с тех пор не давала ей покоя. Однажды она поделилась своей мечтой с мянщинами, а то снова подняли её на смех.

— Самая молодец, но доверят тебе семена, — говорили ей крестьянки.

Однако совсем иначе отнеслись и инициативе Маши комсомольцы. Секретаре парвничной организации, молодой выросший парень, присланный в колхоз из уездного города, собрал специальное собрание и объявил, что в колхозе организуется звено, которым руководить будет Мария Минятэи. Инициативе могут записаться.

Почти все девушки — ровесницы Маши — пожелали работать в молодёжном звене. Но Маша выбрала подругу, уже не раз проверенную на работе: Ано Бончарь, Катю Брус, Марию Михайлову, Ано Звонюк, Елано Гавриленюру и Ано Дронин. Не теряя времени, подруги в день заседания правления колхоза гурьбой отправились в контору требовать себе участок земли.

— Ну что ж, дадим вам три гектара, — сказал девушкам председатель колхоза, — да смотрите, не подведёте!

Радостные, девушки пообещали работать дружно. И этому обещанию они были верны. Уже зимой они стали бороться за высокие урожаи свёклы. Удобрения зveno заготовило задолго до весенних работ, наса топысь с полей сошёл снег, подруги вышли на свой участок.

Всё, что девушки узнали в книгах по агротехнике, всё, что услышали от агрономов, старались применить на своём участке: и подпорнику, и пропашку, и проренкивание.

Основные работы, которых с нетерпением ждали девушки, показали, нам ошнись ты, кто не пробыв был полужить над подругами. Шестое увидать девять центнеров свёклы с каждого гектара получили их звено. Это была победа

не только звена, колхоза, района. Это была победа всей советской Буковины, до тех пор не знавшей таких рекордов урожай!

Радостна не было только. Звеню девушкам признано первыми звеном высшего урожая на Буковине. Им стали гордиться даже те, кто раньше не верил в его силу. Но самым радостным был декабрь 1949 года. В этом месяце Маше Минятэи правительство присвоило звание Героя Социалистического Труда, а её подругу наградили орденами Трудового Красного Знамени.

В том же 1949 году все девушки почти одновременно вступили в ряды ленинско-сталинского комсомола. Звеню стало называться комсомольским.

— Ну, девочки, — обратился Маша к подругам, — теперь мы на виду у всего народа, мы, комсомольцы, не можем, не имеем права работать хуже, чем прежде.

Весной, когда на общем собрании колхозников Маша от имени звена заявила, что их обязательство — в 1950 году собрать 650 центнеров свёклы с гектара, люди ей зааплодировали. Но сомнения всё же были у многих. Первым такое сомнение высказал Дмитрий Минятэи — отец Маши. После собрания он подошёл и ней, взял за руку и отвёл в сторону.

— Ты, дочка, тогда, не горнись, земля-то ведь подведёт! комкет.

— Земля-то может подвести, — с улыбкой ответила Маша, — да мы-то не должны подвести! Мы комсомольцы, тут, земля, лучше упреждать, номадувать её надо.

Осенью 1950 года звено Маши Минятэи праздновало свою очередную победу. Шестисть пятисесть четыре центнера свёклы собрало оно с каждого гектара! Советское правительство снова наградило Машу Минятэи орденом Ленина, а её подругу — орденами Трудового Красного Знамени и медалями «За трудовую доблесть».

Комсомольское звено стало широко известно не только на Буковине, но и во всей нашей стране. На имя Маши Минятэи отовсюду посылались письма. Ей просили поделиться опытом колхозницы Алтай и Сибирь, Краснодарского края и Украины. И девушки из Буковины отвечали всем: «Главное в наших опыте — это труд, это постоянная забота об участии, о его удобрении, о его охране от всяких полевых вредителей».

В 1951 году все девушки комсомольского звена снова удостоены высших правительственных наград. Маше Минятэи, получив орденом Трудового Красного Знамени, сказала своим подругам: — Будут работать так же, как и мы, и тогда это звено девушек Герой Социалистического Труда Стваньяны Виштанг!

Девушки гордо подтвердили слова Маши. Семьсот центнеров свёклы с гектара! За выполнение такой программы звено Героя Социалистического Труда Маше Минятэи будет бороться в 1953 году. Пожелаем ему успеха!

КОМКОМСОЛЫ

ЧИТАТЕЛИ ОБСУЖДАЮТ СТАТЬЮ А. ПЕРВЕНЦЕВА (см. журнал «Смена» № 1 за 1953 год)

Сорняки надо вырывать с корнем

Меня очень взволновала статья писателя Ариадны Первенцева. Вопросы, затронутые им, давно беспокоят молодежь. Почему-то центральные журналы до сих пор ограничивались главным образом только показом того хорошего, что у нас есть? Безусловно, это тоже борьба с отрицательными явлениями, но слишком односторонняя.

Разве нет у нас такти, кто стоит на нашей дороге к коммунизму и ждет, пока его подвезут другие? И оказываются такие простакни, которые подвозят этих «классицистов».

У нас в техникуме учился комсомолец Виктор Лебедев, стройный парень с приятным, располагающим лицом. Ничего плохого о нём мне было слышно, да и ничего хорошего — «сорняку, одно слово. Он познакомился с одной девушкой, работавшей в библиотеке техникума. Виктор её Вала. Говорили, что она и Виктор — пара «подходящая». Вала была симпатичной девушкой с каштановыми кудрями. Они дружили, ходили вместе в кино, театр.

Вот однажды Вала сама пришла в комитет комсомола и рассказала грустную историю её отношений с Виктором. В первое время их знакомства он говорил ей о своей горькой любви, том, что он ничего так не хочет, как

идти с ней всю жизнь рука об руку. Она его полюбила, поверила ему. Оказывается, Виктор начал обманывать Валу. Когда она сказала ему, что беременна, чувствительная к ней моментально улетучился.

Виктор отказывался признавать себя отцом ребёнка. Дело получило огласку, и о нём, естественно, заговорили все. Виктор, чувствуя общую неприязнь, стал оправдываться.

В кругу своих ребят, где можно поговорить откровенно, он неоднократно объяснял: «Да будь это мой ребёнок, разве бы я не нашёл способа от него избавиться?»

На заседании комитета ему отвергали не удалось. Комсомольцы все ополчились против него. Человека, обманувшего любящую его девушку, способен и на больший обман. Это понятно. Виктор обещал принять ответственность над ребёнком. И ему поверили. Через несколько дней он исчез. В техникуме его больше не видели.

А комсомольская организация не подумала о том, чтобы разказать его и сурово наказать, ибо поступок Виктора ставит его вне комсомола. Сорняки надо вырывать с корнем.

ГЕОРГИЯ РЕНБУРГ,
студент Московского
речного техникума

В чём наша ошибка

1. Доверие коллектива.

Каждому из нас свойственно ошибаться. И если ты сам не видишь своей ошибки, долг коллектива — заставить тебя понять и исправить её.

Аня Холодова приехала в Москву, и так как имела золотую медаль, то поступила в институт без экзаменов. Новый город, новые впечатления. Родители прислали Аня много денег.

Но получилось, что в Москве Аня увлекла лишь... танцы. Да, танцы — и только танцы! Хотя не только они. Многие часы Аня проводила своей принцессе. Естественно, что первая же экзаменационная сессия имела весьма плачевные результаты. После сессии Аня, казалось, взялась за ум: стала заниматься, быстро сдала академическую задолженность... Но в следующем семестре повторился та же история. Встал вопрос об исключении Ани из нашего института.

На комсомольском собрании группы мы по-товарищески, указывали Ане, что это образ жизни, который она ведёт, не достоин комсомольца и советского студента и ни к чему хорошему не приведёт. Аня много плакала на собрании и просила группу поручиться за неё перед деканом: она даёт честное слово,

что будет хорошо учиться и вести общественную работу, как и полагается настоящей комсомолкой.

Группа поручилась за Аню. Но, видимо, слишком поспешно. Аня один день попала, потом... снова за танцы. Ни вызова на курсы бодри, ни разговоров с деканом — ничего не помогало.

Тогда группа решила ещё раз обсудить поведение Ани на комсомольском собрании. И вот она снова стоит перед нами, глотая слёзы.

«Нет, мы не верим тебе больше, мы не верим!» — говорят ребята. Аня плечет, умоляет дать ей время, чтобы оправдать себя... «Нет, тебе нет оправдания! Ты обманула коллектив. Мы уже раз поверили тебе. Где же была твоя комсомольская совесть, твоя честь? Мы не верим тебе, твоим словам, твоим слезам. Хватит! В нашем коллективе нет места людям, у которых слова расходятся с делом!»

В решении комсомольского собрания было сказано: «Просить деканат отчислить студентку Холодову из института, так как группа не может ратовать за успеваемость, посещаемость и дисциплину студентки Холодовой».

Есть люди, которые не могут

осознать свои проступки до тех пор, пока жизнь не ударит их. Суровое решение группы вначале, казалось, даже согласно Аня: она ни с кем не разговаривала, целью дни плакала. Нам всем было очень тяжело смотреть на её горе. Но при всём желании мы не могли заставить себя поверить ей: ведь один раз она уже обманула нас.

Прошёл месяц. Аня изменилась добросовестно, посещала лекции, и деканат решил не исключать

её. Группа не настаивала на своём решении: мы видели, что теперь Аня приложит все усилия, чтобы вернуть потерянное доверие.

Но, к сожалению, это не так делало. Уже полгода прошло со времени нашего собрания. Ребята давно уже снова подружились с Аней. И всё же много придётся Аня работать, чтобы исчерпать последний след её проступка. Потерять доверие коллектива гораздо легче, чем вернуть его.

2. «Он ничего не понял...»

Студенты нашей группы живут дружно. Учимся и работаем мы все вместе, да и повеселимся тоже не прочь. Как же так получилось, что в нашей дружной семье появился «дядинка» — Руслан!

Руслан не дружит ни с кем в группе. Ему, видите ли, не нужны коллеги. Для него группа — «разрозненные единички», а не единая семья.

На одном из собраний Руслану дали общественное поручение. Но Руслан отказался его выполнить.

— Не хочу работать... Что вы со мной сделаете?

Мы решили обсудить поступок Руслана на комсомольском собрании.

И вот выяснилось, что Руслан учится недобросовестно, полагаясь больше на штурмовщину; посещаемость у него плохая, общественные работы никогда не выполнял, хотя комсорг много раз давал ему поручения. Лишь на собрании мы узнали, что и дома Руслан ведёт себя плохо: он груб с матерью; его отец приходил в партинское бюро института, просил помочь ему отбавить сына.

Комсомольцы говорили, что в нашей коллективе нет места селябоядам и эгоистам — людям, не уважающим правил общности. Но Руслан не понял критики; он пытался оскорбить всю группу; он говорил, что его все обижает, что все против него,

что ребята придираются к мелочам.

Ничего Руслан не чувствует, не понимает. Не понимает и тогда, когда читает решение.

«За отрыв от коллектива группы, за мелкий индивидуализм и неподчинение решениям группы, за недостаточное комсомольское поведение в институте и дома вынести члену ВЛКСМ Руслану Ульянову выговор».

Товарищи сурово осудили Руслана. Но ведь главная наша цель — воспитывать людей. Мы хотели помочь Руслану выйти с ложного пути. Достигли мы этого? К сожалению, нет. Ведь Руслан так и не покаялся, за что вынесли выговор, в чём заключаются его проступки. Как же быть? Как объяснить Руслану его ошибку, как заставить его понять глубину той пропасти, в которую он может скатиться!

***

Почему же получилось так? Почему мы нашли верный путь по отношению к Ане и не смогли ничего сделать с Русланом?

В чём наша ошибка? Этот вопрос у нас возник, когда мы прочитали статью писателя А. Первенцева. Этот вопрос мы хотим разрешить коллективно на страницах журнала «Смена».

Студенты Авиастроительного техникума:
В. СМЕТАНОВ, Н. СТАНКЕВИЧ,
Н. ФРАДИННА и другие

Мы против эгоизма!

Прочитав статью «Береги честь смолоду», я решила написать вам об одном факте.

В нашем роликовом цехе работает алладчик Коля Морозов. И вот когда в цехе осваивался новый тип роликов, на новый станок перешли Морозова. Работа на новом станке Коля далась легко, он стал одним из лучших работников на участке.

Но что за удивление? Коля всё рвался на старый участок. Как-то он сказал: «Там работать спокойнее и доходнее».

Я сказала, что если его переводят, то от этого пострадает коллектив, но Коля твердил, что для него это всё равно, дескать, лишь бы ему было хорошо.

Комсомолец Морозов проявляет не только эгоизм, но и завистливость. У Коли хороший голос, и он участник художественной самодеятельности. Для всех остальных участников самодеятельности достаточно в день репетиции вывесить объявление, и все явятся во-время, а Морозову этого мало: нужно обязательно идти за ним в общежитие. Часто из-за нехватки Морозова свалились репетиции.

Что же дальше будет с Колей Морозовым?..

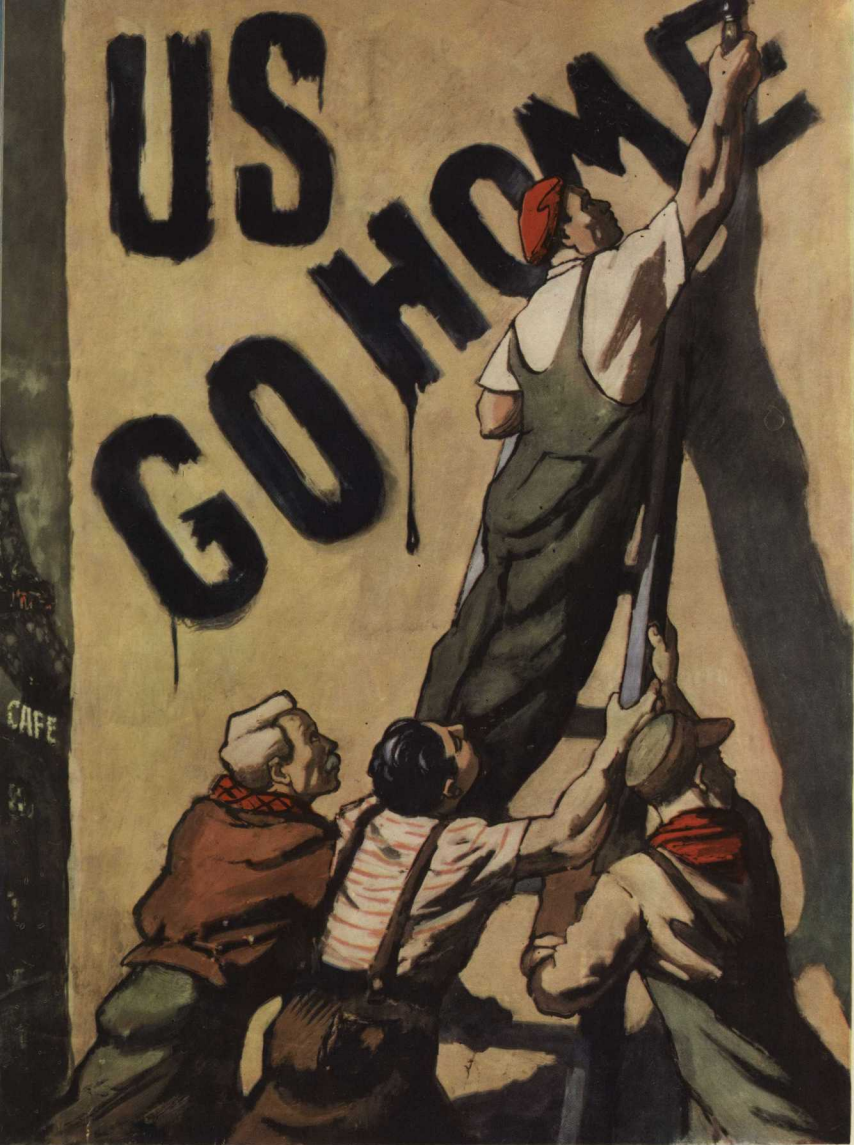
НИНА ЗАХАРОВА,
комсорг роликового цеха
Первого подшипникового завода

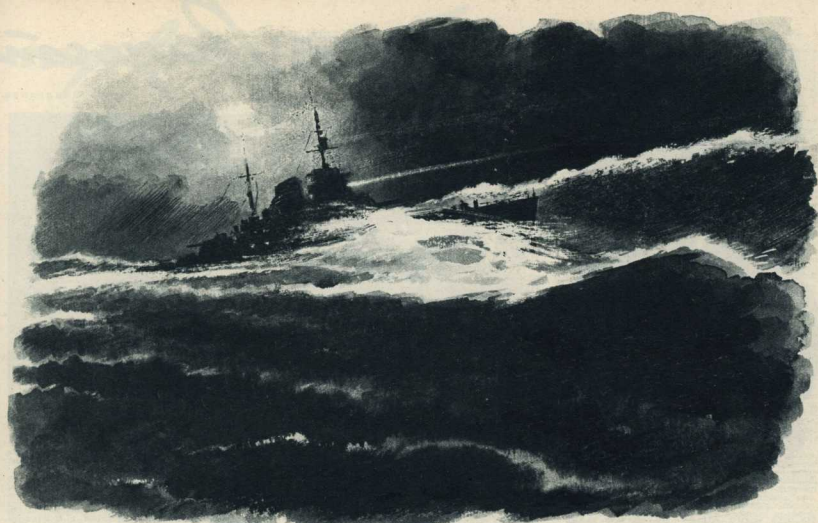

В студии изобразительного искусства Московского автомобильного завода имени Сталина.

Фото В. Петрова

Рисунг В. Константинова

Георгий ДМИТРИЕВ

В ШТОРМОВУЮ ПОГОДУ

ИЗ РАССКАЗОВ, ПОСТУПИВШИХ НА КОНКУРС ЖУРНАЛА «СМЕНА»

Сурово и беспокойно Баренцево море. Нежданно налетают неистовые шквалы, и гранитные берега теряются в непроницаемом тумане. Спасает укрыться в бухте рыбацкая суа. Но есть корабли, которые продолжают идти своим курсом, какой бы шторм их ни застиг...

Когда вода проникала в радиорубку, вахту нес матрос, комсомолец Николай Губин. Молодой радист плавал на корабле только третий месяц. Когда-то, в школьные годы, он зачитывался повестями о мореплавателях и мечтал стать моряком. До сих пор ему не верилось, что полудетские, но совсем отбываемые мечты стали явью.

Николай старался подражать в походе, в манерах бывалым морякам, таким, как старшина радист Гайда или секретарь комсомольской организации Митин. В разговорах на берегу и в письмах домой щегила морскими словечками. Но всё-таки этого было ещё мало, чтобы считаться настоящим моряком. Николай запомнил, как Гайда сказал однажды:

— Человека только в хороший шторм насквозь видно, какая у него есть душа: морская или так себе...

И потому, попав в первый шторм, Губин долго не мог оторвать восторженного взгляда от низких враных облаков и седо-гривых стремительных волн. А потом, уже сидя в рубке, он прислушивался к разнообразным звукам в наушниках и втайне всё ждал какого-то неожиданного поворота событий. Он мечтал о подвиге.

Однако чем яростнее разрывался шторм, тем дальше уходила воспоминания о прочитанном и тем меньше оставалось времени для досужего мечтания. Вода уже побывала в соседнем агрегатном помеще-

нии. Приёмник начинал работать с перебоями. Губин знал, что в обычных условиях уже при восьмидесятибалльном шторме их небольшому кораблю не дают «добро» — разрешение на выход из порта. А сейчас ему приказывали передавать: ветер — норд-вест девять баллов, море — семь баллов, курс — градусов...

До смехи оставалось ещё добрых два часа, когда наушники заглохли. Их молчание казалось грозным. Не без внутреннего холода Губин думал о том, что рано или поздно придётся ему лезть вверх — поправить антенну. Поэтому было особенно приятно услышать снова знакомые шорохи и разряды.

Приглушённо и настойчиво звучали, равномерно повторяясь, чужие позывные. Борвался и исчезал мелодия вальса... А потом знакомый голос вдруг сказал: «Передайте ро...» Треск разряда оборвал конец фразы, и снова прозвучали чьи-то позывные. После нескольких минут молчания, повзвизавших Губину бесконечными, тот же голос, то и дело заглушаемый разрядами, повторил: «Передайте... поздравляем с сыном... благополаучно». На всякий случай Губин точно записал всё, что услышал, включая и непонятное «ро».

Вот тут-то и трянуло корабль так, что всё его стальное тело застонало. Корабль накренился на правый борт. В переборку агрегатного помещения ударила волна, вода заплескалась под ногами и здесь, в рубке.

Наушники были немые: повидимому, антенну наверху всё-таки оборвало.

За первым ударом последовал второй. Даже в помещении явно слышались грозный вой бури. Молодому матросу

стаю не по себе. Но в эту минуту в рубку вдруг завалился старшина радист Гайда, вступив в открытую на мгновение дверь грохот шторма, локожей на звал. С минуту Гайда стоял, принахлившись всем своим огромным телом к переборке, жадно и тяжело дыша. Из-под кашкетона по его широкому, красному, словно с мороза, лицу струйками стекала вода.

— Свежо, — сказал он коротко и хрипло. — Ну, как ты тут? Я раньше бы пришёл, да подсобила комендорам. Чехлы у них с носовых автоматов в ключья поврвало.

Отдышавшись, Гайда придирчиво осматривал аппаратуру. Про антенну сказал, что с этим придётся обождать: всё равно её сейчас же сорвёт. Потом увидел листок с непонятными словами.

— А это что?... Погоди-ка. Знакомый голос, говоринь? Так это ж Рогову нашему, главстаршине. Сын, значит, у него родился, — Гайда добродушно улыбнулся. — Это хорошо: хотелось им с женой сына, так и случилось. Сообщить ему надо.

Старшина наклонился к рубку переговорной трубы. Но в ней лишь булькала, переливаясь, вода.

— И здесь зламмо! — Он мгновение подумал. — Неси! В машинное отделение. Ждёт же человек, мучается. Самое твоё комсомольское дело... Тут так вышло: ему в море выходить, а жинку в тот самый час в Мурманск везти — в родильный.

Пока Губин натягивал дождевик, старшина дописал недостающие слова. «Главстаршине Рогову. Поздравляем с сыном. Всё благополаучно».

— Вот, — сказал он, протягивая бумажку. — Чтобы полная ясность... Ну, выходи.

Фото А. Молдцева

Скульптор Виктор Козловский.

Поиски и находки

ли Рогова беспокойно возвращались домой к Наташе. Успели ли доставить её в Мурманск? Проскочил ли в Кольский залив до штурма штабной мотобот?

Выцвет же так и ждешь, и знаешь, а то, чего ждешь, придет несждно. До вчерашнего дня она не хотела оставлять работу в библиотеке. И даже ещё сегодня утром, увидев её на берегу, Рогов поравовался как легко она идёт, как гибко наклоняется, рассматривая что-то на земле.

Наташа шла по самой кромке отаива. Казалось, вода медленно и неохотно отступает перед ней, обнажая лесящийся песок. На минуту из мутной, провисшей пленены туч вырвалось нежное, сентябрьское солнце, и утравы расстелили скало по ту сторону бухты зыграли разноцветьем лишаишников, свержула желтыми огоньками стелющаяся берёзка, кусками алого сафьяна зардела плотная дивства голубыми. А когда Рогов подошёл ближе, Наташа улыбнулась и показала адоны, на которой слабо шевелились, засныая, две маленькие морские звезды:

— Выслуш, — итруски мне будут...
Глядя на голубую-прозрачную, подвешенную к скалинистой воде бухту, на замешенные на кровавыми миса верхушки мачт, на неподвижную сверху громаду океана в просвете между скалистыми горбами островов, — глядя на всё это суровое спокойствие, трудно было представить, что через несколько часов здесь подождет, выбросят на гранит берега остальные волны.

И так же трудно было представить, как эти розовые, в ямочках, матианыи щёчки вдруг побелеют от страха и боязни. Тогда Наташа минуту, когда он сорвет с шеиши лоскедик, спеша на корабль, уходящий по срочному заданию.

— Всё, что нужно, сдадем немедленно. Мотобот выходит следом, — сказала ему тогда в полнотелости своей бухты, — тогда я приду к тебе на корабль. Скажу вам по собственному опыту: в такие минуты лучше быть в стороне, с головой уйти в работу... О ходе событий сообщим вам на корабль по радио. И раз уж вы не хотите, чтобы вас на этот раз заменили...
Рогов не хотел ни тогда, ни теперь. Уклоняться от своего долга, обещать с корабля, — хорош бы он был, отметить этап дель рождения своего ребёнка. Он хотел только одного: знать сейчас о Наташе.

Сквозь шум двигателя он скорее угадал, чем услышал, новый звук: по палубе растекался, расплескалась вода. Что же, бывало и поуже. Лишь бы вода не подалась к каютуру! Когда погас свет, Рогов сплотно влачила аварийную лампочку. Старинну мотористов мало что могло смутить: он был в моторном отделении сторожевого катера и тогда, после того, как выключил свет, сминулся, присебнявший перепутье, корабль. Вот так же не действовала переговорная труба. Отказала даже машинный телеграф. Командир сам спустился к Рогову — на палубе не оставалось уже ни одного матроса — и отдал приказ покинуть корабль. Губная уверенность, что ни про одного матроса командир не забудет в минуту опасности, с тех пор никогда не покидала его. Он верил в это, как в железный закон морской дружбы, как в крепкое слово моряка.

А вот обещанной радиogramмы всё нет... К беспокойству о Наташе, к нетерпению началось примешиваться неясное, но горькое чувство: уж не случилось ли, от чего что-нибудь? Но в этот момент влок него свалился Губин. Он прислонился к трубу, как давеча перед ним стола Гауда. Вода текла с него ружьями. Но мокро, осунувшееся от усталости лицо Николая сияло.

— Свежо, — еде выдохну он, стараясь всё-таки говорить с хрипотелой и изнебожно. Нетунышными пальцами он порыхля под телышником, вытаскиа записку. — Вот-и! Раньше бы принес, да там... авария... подобить пришлось...

Не под волну только. На палубе гляди тоже в оба, держись за асер!

Но как ни рассчитывала Губин, едва успела он выскочить на палубу и задрыать за собой дверь, — чёрная, ревушая стена воды навалилась на него, поволокла его за собой.

«Всё!» мелкнуло в сознании, и в тот же миг его плашмя прижало к чему-то твёрдому, ребристому, а руки нащупали и судорожно обхватили гриб вентиляционной трубы.

Корабль гнжко взбирался на новую, грозной высоты волну, с готовым обрушиться грёбнем. Николай смотрел на неё заворожённый, забыл обо всём. Хотелось одного: зажмурить глаза и скорей отползнуть к ближайшему аяку. Только цепкое чувство страха мешало оторваться от спящего гриба. Казалось немислямым размокнуть руки.

Вдруг взор его упал на носовую часть палубы. Там, ликвидирова авария, работал боиман с кем-то из матросов. Каждое мгновение волна грозила смыть моряков за борт или ударить о пушку. Мало бы сейчас похож на себя шеголеватый боиман Лобов в этой вымокшей одежде. Не сразу узнал Николай в другом матросе Митина: всегда спокойное лицо его исказила гримаса напряжения, из седины над бровью сочилась кровь.

Всем существом почувствовался Губин, как не хватает морякам ещё одной крепкой руки — его руки. И тогда по-плоту, без расчета с холодным расчётом он поглядел на такую же новую волну. Выбирая минуточку, лавирова, задыхаясь то от воды, то от ветра, Николай перебежками пробирался к носу. А когда волна сбила его с ног, он упёрмо помог, цепляясь за всё, что поперывталась по руку.

Старшина группы мотористов Дмитрий Рогов стола у двигателя, напряжённо наблюдая за работой машин. Тёмные дуги бровей над серыми спокойными глазами были сдвинуты, отчего на вышуклой его сказила прямая и глубокая складка.

Родяй поход в Варенцовом море обходился без штурма, особенно в такие осенние ночи. Нет, не это его занимало. Мыс-

Глубоко задумываясь, сидит Мановский, обхватив руками колени. Энергией и искусством дышит лица поэт. Решительно сдвинуты брови, внимательно сосредоточенный взгляд. Это часы вдохновения.

Скульптура любимого поэта — первая работа молодого скульптора, недавнего ремесленника из Добысса, Виктора Козловского. Его работа была одним на самых интересных произведений на художественной выставке в Сталино.

После окончания ремесленного училища Виктор Козловский приехал в Москву. Позднее состоялось детство, стены родной Украины, годы, проведенные в детстве. В столицу юноша ехал с твердым намерением продолжить учёбу.

Осенью 1949 года Виктор Козловский поступил на 1-й курс скульптурного факультета Высшего художественно-промышленного училища, где он хорошо учился; комсомольцы группы избрали его своим комиссаром.

Как у многих студентов училища, у Виктора Козловского нет отращивать тематику своего творчества. Как истинный начинающий художник, он всё время ищет, пробует свои силы.

Лиризм и митям юмором веет от его скульптурных групп животных. Вот молодой скляканив и метелью. Смешно и грациозно риторипры тоненькие ножи, он опытычем чешет свою узкую, длинную морочку. Другая скульптура изображает толсто побеждающей медведя. Стоя на задних лапах, он умиротворенно поглаживает себя по толстому брюху.

Ясная мысль, задушенный подход и темне отлучают работы молодого скульптора Виктора Козловского.

Седая ГРИГОР'ЯН

Родные напевы

— Негорюпная, ясная тема звучит в зале. Ещё не расширившаяся всеми красками. До ориентира скляканив и метелью. Смешно и грациозно риторипры тоненькие ножи, он опытычем чешет свою узкую, длинную морочку. Другая скульптура изображает толсто побеждающей медведя. Стоя на задних лапах, он умиротворенно поглаживает себя по толстому брюху.

Ясная мысль, задушенный подход и темне отлучают работы молодого скульптора Виктора Козловского.

До Оттепья марийский народ не имел своей профессиональной музыки. Вот почему Ляной было трудно тогда в этой далекой местности не только окончить консерваторию, но и стать одним из вачинателей марийской музыки. С луганскими вачинателями он за изучение музыкального фольклора народов Поволжья. Как кружки золота, собирал Яков Андреевич народные напевы, обрабатывал их, создавая произведения для хора и оркестра.

И как вода, где музыка течет и цветет по настоящему, в семье композитора народная песня жила не на правах гостя, а на правах друга.

Стоит ли удивляться тому, что первым мелодиями, которые десятилетиями Андрюша Зыпай играл на рояле, были марийские народные напевы!

Потом Андрюша учился в Московской музыкальной школе имени Гнесиных по классу фортепиано. Все уверения и быстрые становились крепкими пальцами. И страница за страницей открывали великие творения Баха и Бетховена, Глинки и Чайковского, Листа и Скрябина.

Уже шла война, юный Андрей Зыпай закончил школу. В 1944 году он прибыл на фронт. Молодой разведчик Андрей Зыпай оказался на танке в поперечный Берлин.

«Музыка... Помню, музыка!» — решил тогда Андрей Зыпай, думая о своем дальнейшем пути.

За два года Андрей закончил четыре курса музыкального техникума и был принят на географико-композиторский факультет Московского государственной консерватории имени П. И. Чайковского.

Вскоре вышел в свет его три марийские песни для голоса с фортепиано, несколько пьес на темы народных Поволжья, обработок марийских, чувашских, башкирских, татарских песен.

Студент Зыпай — отличник учебы, удостоенный стипендии Рихтерского-Корсакова. Он упорно овладевает теорией музыки и композицией. Часы просиживает Андрей над партитурами спящей и оцепеневшего любимого композитора Петра Ильича Чайковского. Как выразился в себе был великий художник, с новой добросовестностью отработав мелчайшие детали его произведений!

С увлечением он читает Андрей Зыпай музыку. Годы учебы анализались очень плодотворными. Надаете и исполняются его поэзия, лиризм и опора. Своего любимого композитора Петра Ильича Чайковского. Как выразился в себе был великий художник, с новой добросовестностью отработав мелчайшие детали его произведений!

Композитор Андрей Зыпай.
Фото Н. Максимова

Наводне он этих произведений радует своим свежим колоритом, лиризмом, темпераментом.

Однажды Андрей Зыпай, проходил по юридическому институту, услышал на дворе одного из классов мелодию, удивительно похожую на марийскую песню. Он протиснулся через запертые двери зал молодой венгерской музыкант.

— Что вы играете? — спросил Зыпай.

— Это наша народная песня, — улыбаясь, ответил иностранец.

— Повальяцкая, сбегайте еще раз... Как похвалю!

Языки народов Поволжья и Венгрии имеют очень много общего. Этот факт с интересом изучают лингвисты. Но оказывается, и музыкальный язык этих народов имеет много сходных черт.

Так у молодого композитора возник замысел симфонической рhapsодии «Венгерские напевы». В этом произведении, созданном на материале трех венгерских песен, много сердечной простоты и добродушного юмора, юности и страсти. Рагасдио А. Зыпай исполнил Государственный симфонический оркестр Союза ССР на смотре достижений советской музыки за 1952 год.

Вплоть до больше творческие планы. Вместе с отцом Андрей Зыпай пишет музыкальную драму «Сильна». Вплотк к завершению первой попытки для фортепиано с оркестром.

Это его дипломная работа.

Александр ЕВСЕЕВ

Рисунки Е. Ведерникова

Евгения БДЖОЛА

ЗАЯЦ НА СЕССИИ

В лесу нора горячая была,
В лесу проверка знаний шла:
Который зверь, какая птица,
К чему годится.

И проверял учитель Крот,
Но сбавил по червкам.
Под вилкой, у норы кротовой,
Где каньей охотится медведь,
Труселивый Заяц все надеждат.

«Ах, почему в году я не учился!
Крот — сущий зверь! Завалил Неспорно
Меня грамоте, предметом, как же
Что делать? Пропал! Не знаю ни аза!»
Заяц застывает глаза.
Его в ручей два раза окунали,
Суставы Заяцу разождали,
Настоял его черед,
Разверзлась перед ним нора:

ПАСЯЩИ

«Иди, Косой, ни пуха, ни пера!»
Полнушкой, дрякопанной нозе
В нору товарищи втокнули...
А через чаш не маньгибид, боном,
Трусина наш выводит... индюком!

«Ну, что?» — «Да что?» — ответил Заяц зычно...
«Мне полагается, орлиноч!»
«Ну, какой «летерис» на авераш,
«Четвергаш» — это не ответка,
Ты, заяц, только ветром...»
«Так я и в год знал! Я на вопрос любоб!»
«Нун тут не утерлаа Галка!»
«Ну, индюком, что бы бы с тобой,
Кода бы не твоа шпаргалка!»

г. Одесса.

Семит АБДУКАХХАР

МЕДВЕДЬ-ОРАТОР

Созвав на совещание в лесу
Хорам Язычинок, Суслика, Лису,
И зайца, проткнул медведь речень.
Он так баст:

«Мушкетство беречь
Мы все должины, — чуное ли, свой ли,
Ты, Суслин, слышал я, пшенцу портить
в поле»

А ты, Косой, морювану не дов,
И в барьер, и в барьер, и в барьер,
Я не гневляю, ты знаешь, я Лев.
«Но если портить пшцу дорогу
И так задрал, а в ком не вылетит душа!»
А ты, Лисича, тоже хороша
«Зачем ты, Косой, и Хор...»
«Вы поступайте совсем не благородно...»
Короче говоря, оратор всех распел
И поговяно и пошердло.
«Но вот
Собрание кончилось. Медведь домой идт,

Медведь мечтает о берлоге...
А на пути его — артельный огород.
И если, черт возьми, индюк в обход...
«Вр!» — проукает Заяц. — На парса парса...
Равну-ка напрямик... И что же?
По свинке, по капусте, по морковке.
Зайчишка-стороня обмер, как взглянул!
По грядкам, проворн себя не только
Шёл важный чин, добро топца.
Что же сдвеляет мот Косой? —
Он Зайца, он смочал.

Р. НЕДОСКИН

Читатель, помни сам и передай соседям:
Николь встретиться с таном, как тот,
Какой бы ни имел он чин...
«Но будь пугливым Заяцек,
«Вр!» — проукает Заяцек, — Не молчи!

Перевёл с узбекского
Вл. ЛИПКО

В университетах Германской Демократической Республики учатся дети трудящихся.

Н. ПОЛЯНОВ

НЕМЕЦКИИ СВЕРСТНИК

Кто эти люди в длинных пурпурных мантиях, в бархатных беретах, люди с тяжелыми золочеными цепями на груди? Медленно и торжественно выступают они в притихший зал, и строгость написана на их лицах. Глядя на них, и слышась, будто невдалека машина времени перенесла тебя из глубь седой старины. Гербы курфюрстов урываются стеной, и с кафедры звучат латинские фразы. Не таким ли был «День посвящения» в те далекие времена, когда молодой лейпцигский студент Йоганн-Вольфганг Гёте впервые вступил под своды актового зала? Когда излюбленным развлечением студентов-корпорантов были «вечные дебаты» в погребке Ауэрбаха, описанном в «Фаусте»? Когда в университетах царяла каста — сынки юнкеров и куцубов?..

Но посмотрите на юношей и девушек, которые сегодня переступили порог университетских аудиторий. Они ничем не напоминают школьников прошлого. Многие из них одеты в голубые блузы с эмблемой восходящего солнца на рукаве. Вот там, на самом почетном месте, выдвинулся их голубовидный — символ обретенной юности, символ труда и борьбы за новую жизнь. Они пришли сюда не для того, чтобы вести длинные и скучные диспуты на богословские темы. Их руки знакомы с тя-

желой работой: ещё вчера они вращали обломы кирпичных стен, разбирали руины, которые оставила война, а завтра они вместе с такими же добровольцами из народных фабрик и заводов отправятся к лесам новой школы или школы, — без них не обходится ни одна из строек.

Треть и лесен взгляд на жизнь, на труд, на будущее у немецкой демократической молодежи. Поэтому их интересуют не схоластика, а точные науки. Не философия Ницше, а философия Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Древней традицией овиеи «День посвящения». Но новое у него иное содержание. Пусть вас не смущают пурпурные мантии, бархатные береты и латинские изречения доканов. В старых стенах университетов Берлина, Лейпцига, Йены, Грейфсвальда веют свежие ветры современности. Новой дорогой идет молодежь всей Германской Демократической Республики.

Один из многих

Гансу-Иоахим Бертолю Бертолю нравилась его прежняя профессия: он был шофёром. Ганс-Иоахим умеет ценить время. Шесть раз в неделю, всегда в полночь, он садился за баранку своего турпозорного «Борлиха» и выезжал на автостраду Берлин — Дрезден. Красные огни на

матках радиостанции в Кенигс-Вустерхаузене, фермы моста у Таупница, остроженный пильный завод в Финстербурге и, наконец, желто-голубой моста Эльбы у подножья пологого холма — всё это хорошо знакомые вехи на дороге, по которой он, кажется, проехал бы и с закрытыми глазами. Огни на зенитах должны появиться ровно через минут спусти после того, как сторож у ворот типографского двора пожелает Гансу-Иоахим счастливого пути. А Эльбу и тургеня Дрезден, укутанный, как старина, серпентиной дымкой тумана, шофёр должен увидеть в самом начале пятого часа пути. Ганс-Иоахим стремился не нарушать своего расписания. В кузове его грузовика лежали толстые кипы свежих газет. Выкопав поутру на работу, дрезденцы должны найти в киосках создавшийся номер демократической берлинской газеты. Ради этого спешил Бертоль.

Он любил эти часы быстрой ночной езды. Mimo проносятся с прищипанными фарами встречные машины, в раскритое окошко кабины порой врывается смелый запах соснового леса, вдаль кружат одинокие огни уступающих городов и деревень. Дорога словно давно знакомая книга, и каждую её страницу он выучил наизусть...

Теперь перед Гансом-Иоахимом новая книга. Её страницах воспарившие формулы, и на обложке значатся слова, которые ещё недавно были ему совершенно не знакомы: «Аналитическая геометрия». Ганс-Иоахим стал студентом. Через несколько лет он будет физиком. Думал ли он раньше, что придет время, когда его, сына простого берлинского рабочего, станут называть «студент Бертоль», а затем, быть может, — «доктор Бертоль»?

Когда Бертоль вспоминает прошлое, перед его глазами всегда встаёт Берлин первых месяцев после войны. Холодные топки заводов. Каменный хаос на улицах, горы щебня, и по ним вьются узкие пешеходные тропинки.

Мало ли было в ту пору людей, которые называли молодежь не иначе, как «потерянным поколением»? Их голоса звучали со страниц реакционных газет Западного Берлина. «Вы ни на что не способны», — говорили эти люди моло-

джди. — Вы способны лишь спекулировать сигаретами на Александарплаце». Ганс-Иоахим терпеть хорошо знает: так могли говорить лишь враги немецкой молодежи. Стремясь воспитать в ней неверие в строительство новой жизни, они расчитывали вновь толкнуть молодежь на путь фашизма и войны. «Потерянное поколение» должно было стать поколением американских наёмников.

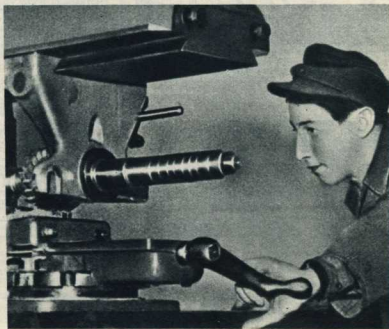
Ганс-Иоахим вспоминает:

— Я ввёду в ту пору на западе города фильм. Он назывался «Берлин в году нуля». Я увидел кино, как прирпименный: развалины, сумрак, нищие дети, молодые преступники — и никакого просвета... Это было страшное зрелище.

Но в демократическом секторе Берлина, как и повсюду на востоке Германии, молодежь не была склонна прозябать в году нулевого; с помощью Социалистической единой партии Германии она двинула шаг вперёд в новом времени. Ганс-Иоахим Бертоль был среди тех юношей и девушек, которые в весенний день 1946 года впервые развезли на улицах своего города голубые знамена Союза свободной немецкой молодежи. Он был и среди тех добровольцев, которые в свободные от работы часы шли в предместья — в Вильгельмеру, Кенипек и Хенингсдорф, — чтобы помочь восстановлению народных заводов. И когда в марте 1947 в Хенингсдорфе, ещё недавно безжизненных и холодных, вновь хлынул огненный поток стали, когда рабочие на заводе «Бергман-Борзин» в Вильгельмеру отменили первый котёл для электростанции, Бертоль вместе со своими сверстниками праздновал первые победы над разрухой.

Прошедшие годы проносятся в памяти, как знакомые вехи на автостраде. Вот осьель сорок девятого. Знамена на Александарплаце и Уатер ден Линде, флаги на каждом доме, трёхцветные флаги Германской Демократической Республики — чёрно-красно-золоты. А вечером — пылающий поток факельного шествия молодежи, пришедшей приветствовать первого президента республики. Проходя с факелом в руке мимо трибуны, Бертоль вместе со всеми скандировал: — Наш рабочий президент — дружба!

Во имя торнества социализма трудится молодежь демократической Германии.

А вот памятник 1951 год. Вновь зазвучали песни молодёжи на Уттер ден Линден — на берегах Шпрее разверзла свои заёмная молодёжный сёт. В те дни Ганс-Иоахим поклялся отдать все силы борьбе за единство страны и за мир. В этом поклялся полмиллиона участников сёлта. И люди, которые стояли на тротуарах Берлина, наблюдали демонстрацию молодых борцов за мир, люди, которые были на крышах, балконах и даже на фанарных столбах, — эти люди видели перед собой не «популярные» показухи, но поклявшиеся строителям и борцам за мир.

Пример советского друга

— Не думайте, что нам в республике не приходится иметь дело с трудностями, — вспоминает Ганс-Иоахим. — Прежде чем стать шофёром, я был учеником слесаря. Часть машин для нашего механического завода привозились, как мы говорили, «импортировались». Сперва детали откатывали в развалках. Вид этих поржавевших шестерён, болтов, станин мог привести в отчаяние любого человека, но вестки, у многих из нас опускаясь сердца. И вот тогда-то вётебя Оксидационная единой партии на заводе совала собрание молодёжи. На трибуну вышел молодой учёный рабочий: «Я был в плену в России», — сказал он, — и я хочу вам рассказать, как сталлинградцы восстанавливали свой тракторный завод...»

Собрание было бурным, и мнения ораторов расходились. Но те, кто говорил «невозможно», было явное меньшинство. Собрание, по мнению вётебя, грозило, очевидно горюют: молодёжь на заводе огненные точно знала, как ей надо действовать.

Ганс-Иоахим вскоре стал членом одной из первых молодёжных бригад активистов. И первым боевым крещением бригады стал, ремонт котельной печи. Инженер уверял, что на это придётся потратить по меньшей мере четыре месяца. Активисты решили отремонтировать печь за три месяца. Они завершили свою работу за десять недель.

— Как нам это удалось сделать? В двух словах рассказать трудно. Но главное — мы работали с благоговением и заветом: благоговения перед этими стенами, из которых вышли знаменитые учёные, и заветом к тем, чьи голоса раздавались из раскатывших окон.

И вот он сам уже студент. Рабоче-крестьянский факультет, созданный для детей трудящихся, открыл перед ним дорогу к высокому образованию. Чтобы хорошо строить, надо иметь хорошие знания; чтобы получить эти знания, надо учиться. Эта мысль была для Бертеля не только строчкой из книги, она стала для него основой трудового опыта, плодом долгих размышлений, краткой формулой его давнишней мечты. Сегодня эта мечта становится действительностью. Портфель до отказа наполнен учебниками по высшей математике и физике. Он лежит на коленях, и Бертелю приятно ощущать его тяжесть. Рядом валяется строительный уровень и несколько торжественных, как на празднике. И особой радостью наполняется сердце, когда с кафедрой раздаётся негромкий голос ректора:

— С сегодняшнего дня, дорогие товарищи, вы студенты!

горюче, ещё недавно тихом, столь тихом, что, казалось, годы проносились мимо него так же далеко в стороне, как автомобили по автостраде, бурляла теперь трудовая жизнь; по улицам улицы проежались тяжёлые грузовики с прицепами — они перевозили строительные материалы; на Одере крохотные буксыры тащили баржи, гружёные кирпичом. В сосновых лесах близ города ревели тракторы и бульдозеры, расчищая строительные площадки. У Форстенберга закладывался новый металлургический гигант — «Ост» Германская Демократическая Республика приступила к осуществлению своего первого пятилетнего плана.

В этой пятилетке и у Бертеля был свой крохотный участок работы — «Оксер» и застрадавшие «Оксеры» изготовили рабочие в Цанхау. И в паспорте машины были аккуратно расписаны графы её технической биографии: тогда-то ремонт капитальный. И надо было удлинить жёнок машинный. Старый шофёр Рейнер, приятель Бертеля, отвечал на этот вопрос уклончиво.

— Делай свою работу так, как полагаешь, — говорил он. — Машина не человек. В машине всё наперед изучено. И если ты, простой шофёр, сумеешь выполнять технические поручения, то и слава богу...

Вначале Ганс-Иоахим поверил Рейнеру, но вскоре он узнал, что несколько других шофёров думают иначе. От них он услышал новое слово — «стотысячник», а потом, когда прочёл статью в газете, понял и значение этого слова. Советские шофёры ездили по сто тысяч километров в больше чем капитального ремонта.

Каждый выезд Ганс-Иоахима на линию обрета теперь новый, важный для него смысл. В каждой поездке он не только берёт «бремя» — он чувствует своего «Оксер», строго следя за режимом работы машины.

Ганс-Иоахим стал стотысячником.

«День посвящения»

Когда-то Ганс-Иоахим Бертель проходил мимо старых стен университетского здания. В воздухе благоговения и заветы: благоговения перед этими стенами, из которых вышли знаменитые учёные, и заветы к тем, чьи голоса раздавались из раскатывших окон.

И вот он сам уже студент. Рабоче-крестьянский факультет, созданный для детей трудящихся, открыл перед ним дорогу к высокому образованию. Чтобы хорошо строить, надо иметь хорошие знания; чтобы получить эти знания, надо учиться. Эта мысль была для Бертеля не только строчкой из книги, она стала для него основой трудового опыта, плодом долгих размышлений, краткой формулой его давнишней мечты. Сегодня эта мечта становится действительностью. Портфель до отказа наполнен учебниками по высшей математике и физике. Он лежит на коленях, и Бертелю приятно ощущать его тяжесть. Рядом валяется строительный уровень и несколько торжественных, как на празднике. И особой радостью наполняется сердце, когда с кафедрой раздаётся негромкий голос ректора:

— С сегодняшнего дня, дорогие товарищи, вы студенты!

Воспитание
БЭБИ

Рисунки Г. Вальца

У пруссакающего янки
И его жены-американки
Под одной из вашиingtonских

крыш
Долгожданный родился малыш.
Папа подарил ему игрушку —
Маленькую пушку-погремушку.
Тётя подарила лимончик
И пощевала крошку в ротик.
От мамы забот и дел давай,
Он ласал, совсем как ангелок.
И смеял, раскиснувшись в коляске,
Соску в виде маленькой фугаски.
Бёби рос и вскоре, встав на

ножки,
Стал играть в навалы и бомбёжки.

Минували годы...

Малышек в школе
Набирался знаний понемногу.
Он узнал, какие же есть люди,
Сколько разных на земле людей,
Сколько нужно танков и орудий,
Чтобы уничтожить их скорей.
Словам, стал смотреть на вещи

шире.
Научился ков-как считать:
Дважды две дивизины — четыре,
Пятью пять дивизины — двадцать

пять.
И ребят на драки подстрекает,
По сигналу атомной тревоги
Лезть под стол

и уши затыкать.
И в карман за словом для ответа
Не полезает янки молодой:
— Что такое остроф?

— Остров — это
База, оборудованная водой.
Непры — это те, что вне закона,
Кража — бизнес.

Англия — плацдарм,
Франция — колония и зона
Срочного строительства казарм.
Он и дома зря не трогает сына:
Он любил читать «Дневник

громалины,
Кинжик «Управление еды

И смотрел,
немея от восторга,
Телепередачу «Будни моря»,
Изучив теорию отливов,
Перешёл он к практике и лично
Вёзал и продавал машинки зонтик

новый,
А ещё немного погоды
Вёшил стёкла в спальне и в
стояловой,
В сделку со стоварицким воежд.

Как-то раз с теоретиком по
классу
Школьную он алмазывает кассу,
Но учитель ловит их.
Чтоб скрыться,
Им пришлось с ним тут же

подделиться...

Дни летят... Малюток возмужал.
Он пройтюха, циник и назал.
Парень, чтобы пыльным быть и
сытым,
На любые нищеты пойдёт.

Парень стал законником с
бандитом.
Можно отправлять его в поход,
Хладнокровно и без промедления
Он пойдёт на всё — на

преступления,
На любые тяжёлые дела:
Будет разрушать и жечь жилища,
Превращая деревни в пепелища,
Убивать детей из-за угла.

Он шпионку может стать
матрином,
Диверсантом,
жидким мародёром,
Может, как воспитан с колыбели,
Равным быть среди других

громали.
Час придёт —
своей добьётся цели,
Он получит то, что заслужил.
И тогда о нём без промедления
Принесут родителям домой
Краткое, сухое вётебяние
На открытке с траурной каймой.

СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ

Инструктор учебного отряда, старшина второй статьи Виктор Петров стоит перед строем молодых матросов. Неудаче мерно плывут морские просторы.

Знакомос со своими новыми питомцами, Виктор думает, что форма одежды делает стоищих перед ним людей похожими друг на друга. На самом-то деле ни один из них ничем не похож на товарища: ни характером, ни складом ума, ни привычками. Сумеет ли он разгадать характеры своих воспитанников, сумеет ли он, Виктор, найти дорогу и их сердцу, чтобы вовремя заметить и поощрить хорошие и безжалостно отсеять плохие, чтобы помочь этим юношам стать настоящими военными моряками?

Так начинается повесть молодого писателя В. Чукреева «Счастливого плавания».

Неудачное дело — интересно расписать о буднях боевой учебки. В. Чукреев сделал это в своей книге увлекательно, интересно. Многие страницы написаны им по-истинному поэтически, действие развивается свободно и живо.

В. Чукрееву удалось характеры большинства героев. И Виктор Петров, и его товарищи Быва Громов и Александр Бельяков, и матрос Голованов предстают перед читателем со всей сложностью и своеобразием своих характеров, со всем богатством их внутреннего мира.

Главное же — герои книги дышат в постоянном движении, в равнине.

С первых же дней учебки у Петрова установились интимные отношения с матросом Головановым. Голованов — умный, разносторонний. Он хорошо учится, четко выполняет приказания начальников. Однако Виктор замечает, что дисциплина у Голованова пованная, а не настоящая. В душе любое замечание командира он считает придирой, а признание — лишь проявлением командирской власти.

Это приводит Голованова к серьезным проступкам. Однажды на занятиях военно-морским делом по его вине чуть не опрочидывается баркас, на котором впервые вышли в море молодые матросы.

Но если бы у Виктора Петрова был только один Голованов! Постоянный, удачливый, внимательный к труду и другим воспитанникам, Николаю Корвину плохо даются изучение навигационных приборов и других сложных механизмов. Татарин Ахмет Мухамедович не выдержит русским языком, и это мешает ему хорошо учиться, он то и дело получает тройки. У матроса Корепанова другой недостаток: он так слабо развит физически, что не может ни плавать, ни бегать, ни даже подтянуться на обыкновенном турнике. Ну какой это моряк!

Трудно приходится мозолю, ношьюному воспитателю Виктору Петрову. Он идет на помощь и советом к старшим командирам, и секретарю партийного бюро. Как быть с Головановым?

• В. Чукреев «Счастливого плавания», Военно-морское издательство, Военно-морского министерства Союза ССР, Москва, 1952.

В. Чукреев

СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ

вановым, с другими матросами? Виктор Петров долго ищет правильного пути к сердцу этого самолюбивого, излишне уверенного в себе матроса. Он иронично «обманывает» «изучного тона», делает ошибки, но с помощью товарищей всё же находит правильный путь.

Отделение Виктора Петрова становится отличным в боевой и политической подготовке. На «отлично» сдаёт оно и выпускные экзамены. Матросов начинают расписывать по кораблю. Скоро они станут на боевую заступу и будут командиров, надлежало охранять мирный труд советских людей, строящих коммунизм. «Счастливого вам плавания!» — говорит им на прощание старшина. И только теперь все они понимают, как трудно, оказывается, раставаться, как крепко они подружились за месяцы учёбы, как благотворна была и для командиров и для подчинённых эта дружба!

Таково коротко содержание повести «Счастливого плавания».

Написана повесть от первого лица, написана искренно и живописательно, и в этом её первое и несомненное достоинство.

Жизнь и учёба героев В. Чукреева пронизана духом коллективизма, духом нашего настоящего братства. Важное значение друг к другу, высокая требовательность к себе и товарищам составляют ту атмосферу, в которой живут и действуют герои книги.

В повести «Счастливого плавания» есть морская романтика. Это, естественно, делает книгу интереснее, занимательнее.

Привлекает также внимание читателей сдержанно, немногословно рассказанная история зарождающейся любви Виктора Петрова и Гали Федюченко, хотя следует заметить, что все линии отношений между Виктором и Галей введены в повествование очень робко, словно автор боялся уйти «в сторону».

В. Чукрееву удалось выразить характерности они всегда точны, своеобразны.

Удачны пейзажные зарисовки. Иногда они, как например, в хорошо написанной сцене в конце книги, приобретают глубокое и волнующее звучание.

Вместе с тем хочется указать и на недостатки этого талантливого произведения.

Сюжетно-композиционный новизны, о котором уже говорилось выше, разрешается в книге значительно раньше, чем кончается повествование, и последние главы, где автор «сводит концы с концами», читаются уже без напряжённого интереса.

В. Чукреев стремится показать в своей повести неразрывную связь военных морских со всем советским народом, мирный труд которого они охраняют. В известной мере это ему удалось. Но повесть была бы полнее, богаче, если автор показал эту крепкую связь более широко.

Есть в книге большие и малые языковые погрешности. Автору иногда как бы изменяет слух, и он пишет, что «освободить одного человека от аврала» (С. III), не составило «проблемы», не чувствуя, что слово «проблема» уже употреблено выше несправедливо. Так же неудачно цитирует слова славянской «Голос Громова был одним из самых горячих и живописных», — пишет автор в другом месте.

Как написана ирония. Рядом с ирониями, замалочивающимися страницами можно встретить куски невыразительные, а порой и необязательные. Такой, например, является вся глава, в которой Голованов подтягивает над Николаем Корвиным. Напрасно автор целиком привёл текст обращения комсомольской организации части, в которой служит Виктор Петров. Всё и так ясно на описании собрания, на котором это обращение было принято. К тому же написано оно обычным газетным языком, без всякого намека на художественность.

Таких «проходных», маложизненных страниц в повести немного, но тем резче они бросаются в глаза.

В. Чукреев — писатель молодой. «Счастливого плавания» — его первая книга. Поэтому в недостатках книги иронично с автором повинен и его редактор. Если бы редактор отдал своему делу более вдумчиво и серьёзно, книга, несомненно, была бы ещё лучше.

С. ШУРТАКОВ

Михаил Кривоносос.

К ЗАВЕТНОМУ РУБЕЖУ

На олимпийских играх молодого советского метателя Михаила Кривонососа постигла большая неудача. Он бродил по городу, стараясь расстаться, но мыслям каждый раз возвращались к одному...

Стадион. Выходит советская команда. Метатель-пакистанец подбегает к намим спортсменам, кричит: «О, русские, как я рад видеть вас!» Ребята хотят пообщаться с ним, но это его единственная русская фраза, вынутая наизусть. У пакистанца чёрные восторженные глаза — глаза друга.

Михаил берётся за молот. Первая попытка, вторая... И каждый раз, хоть срывал летит далеко, судьи не засчитывают результат: Михаил, стараясь вложить всю силу в бросок, не удерживается и по инерции выходит из круга. Он волнуется, одушая направленные на него сотни глаз.

Теперь, стараясь отвлечь от этих неприятных воспоминаний, Михаил бродил по незнакомым местам, рассматривая людей. Родина далеко. Сейчас бы отлучиться в маленьком Кривиче, на Могилёвщине, пройтись по сосновому бору, подышать его стойким хвойным воздухом! Сторона незабываемых детских лет! Отец!.. Было, он брал сына на колени, разглаживал светлые кудри: «Долговязый ты как, Мишук, алжоровый!»

Что бы сказал отец сейчас?

...

Привая в Минск, Михаил зашёл в Институт физкультуры, где он учился. Принятые по студенческой скамье были весёлые, приветливые. Старый друг, тренер Евгений Шукевич, коренастый, широкоплечий, радостно обнял воспитанника:

— Ну, куда придёшь на тренировку? Михаил, надувая брови, молчал. Не так-то легко втянуться вновь за молот после такой неудачи!

— Кто мне теперь поверит! — сказал он на козек. — Я ведь все подвёл.

Он уехал в Кричев, прощёлся по знакомым местам. «Сож попрыжком перепрыгивал через плетень, а сосновый бор слегка пожелтел, и в его зелёный убор вписались золотые краски.

Ну вот он встретился с людьми, которые были ему дороги, с местами, близкими его сердцу. Но горечь неудачи не уходила. Она оставалась. Провал лежал пятном на его совести.

В открытые окна дома ветер доносил со стороны бора смелый запах сосны.

Отец, пришедший вечером с работы, полжизнь тяжёлою ладонь на его плече: — Тяжело, Мишук? Знаю, мы, Кривоносовы, никогда не хныкали. Неудача — бай себе! Не робей. Я вот на фронте когда впервые попал, совсем воевать не умел. Нелегко приходилось! Но научился. И все так. Потому и победил.

Через несколько дней Михаил пришёл на тренировку. Пожилой уборщик с прокуренными усамы спросил: — Это что же шаром этим на проволоке будете кидаться?

Михаил рассмеялся:

— Да... Он сделал несколько плавных взмахов. Молот пошёл с ровным ускорением всё быстрее и быстрее. Наконец спортсмен сделал бросок. В этот момент Михаил почувствовал себя снова склонившим спарда. Вспомнил, как его учили: «Ты будь хозяином молота. Не давай ему обогнать себя. У тебя есть чувство снаряда». Это значит, что ты должен стать металелем высокого класса.

— В метании не может быть мелочей, — говорили ему тренеры. — Сделал одно, даже самое ничтожное неправильное движение — ишиш пропало.

Воспитанный в трудовой семье, он рос, как говорил отец, «парнем уважительным», и тренером было приятно заниматься с понимающим, учитывающим все указания спортсменом.

Михаил не только метал молот. Он играл в волейбольной команде института, плавал, боролся. Но нельзя было увлекаться одним спортом. Он учился уже на последнем курсе института, кроме того, как комсомолец, выполнял поручения комсомольской организации.

— Не знаю, как быть со временем, — обратился он к тренеру. — Не хватает...

— А ты распорядок дай состави, — посоветовал тот. — И придерживайся его.

Друзья, приходящие к Михаилу и не заставшие дома никого, заглядывали в листок, висевший на стене, и говорили:

— Он сейчас на стадионе «Искра».

— Михаил у избиратель беседу проводит...

— В читальню ушёл...

Поздно вечером уставший в день Михаил возвращался домой по широким улицам нового Минска. На сердце было то удовлетворение, которое испытывает честно и много поработавший за день человек. Конечно, приходилось нелегко. Но в этом году нужно закончить институт, и не просто закончить, а так, чтобы на госэкзаменах получить отличные оценки. Общественная работа? Это его комсомольский долг, и от него он ни за что не откажется. А самое главное — на каждой тренировке молот падает всё дальше. Когда же наступит тот день, когда он исправит свою ошибку?

...

Приближался октябрь. В эти дни вся страна жила напряжённой трудовой жизнью. В Москву скоро должны были съезжаться делегаты XIX съезда партии. В ту пору Михаил бросил уже молот до шестидесятиметровой отметки. Но перешагнуть этот рубеж никак не мог. Кто-то считал, что Кривоносов после неудачи на олимпийских играх вообще вряд ли покажет хороший результат.

Михаил всё чаще задумывался над одним вопросом: «Неужели 60 метров — предел для меня? Венгерский спортсмен Чермак бросил молот на 60 метров 34 сантиметра, это и был рекорд олимпиады; его учитель Немет — почти на столько же. На сколько же могу бросить я?»

Михаил упорно тренировался. Теперь уже даже после самых сильных бросков он не выходил за бейсий круг.

Спортсмен не просто придерживался установленных норм. Он старался внести в технику метания что-то своё. Ожидая, применив новый приём броска, он ощущал, что молот пошёл выше, чем обычно. Он бросался к месту падения снаряда. Тяжёлое металлическое ядро,ходящее бешеным на солнце, лежало за шестидесятиметровой отметкой. Переглянув наконец свой «предел»: Это была большая удача.

Придя домой, Михаил долго вместе с тренером рассматривал кинограммы бросков, делая эскизы.

Нельзя было никогда окончательно уверенным в успехе. И всё же Михаил охватывала огромная радость, когда его приглашали на показательные соревнования, посвящённые XIX съезду партии. У нас так уж ведётся, что большое политическое событие в стране каждый встречает подарком. Михаил отпра-

вился в Ташкент с уверенностью, что едет не без подарка.

Когда Кривоносова вызвали, тренер взял его за локоты:

— Как, Миша?

— Всё-таки, кажется, волнуюсь.

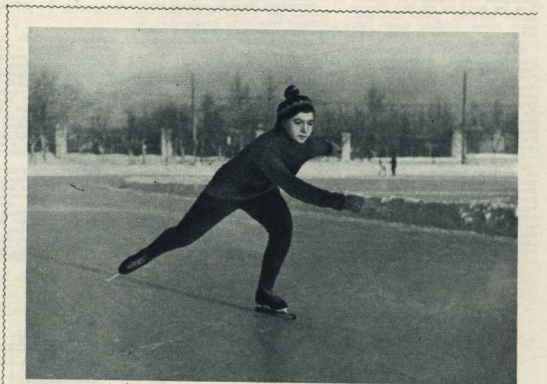
— Спокойно, спокойно! Ты в хорошей форме. Ну, иди.

Михаил двинулся за ручку молота, вошёл в круг, немного помедлил, словно обдумывая что-то, и уверенным, упругим движением взмахнул снарядом над головой. Зрители не сводили с него глаз. Большое тело Михаила со вступившим бурным мускулов поворачивается — первый вылетел, второй, третий, причём каждый длится доли секунды; молот взвивается в бледное, выгоревшее от зноя небо необычайно высоко и с глухим стуком ударяется о зелёное поле.

Кривоносов слышит вспыхившие аплодисменты. Диктор объявляет результат: 60 метров 51 сантиметр. Олимпийский рекорд перебит почти на 20 сантиметров!

Но странно: чувства успокоения, несмотря на сознание большой победы, не было. «Что же я не радуюсь? — думал Михаил. — Ведь это большая победа! До мирового рекорда осталось совсем немного. А может быть, именно это и беспокой?»

Виктор СМЕРНОВ

Людмила Муромова на тренировке.

Фото М. Боташёва

НА ЛЕДЯНОЙ ДОРОЖКЕ

До начала занятий остаются считанные минуты. Но юным спортсменам они кажутся часами. Девочки волнуются и нетерпеливо поглядывают друг на друга.

Наконец старший тренер юношеской спортивной школы москвичка выходит Люса Муромцева — ученица 163-й школы. Наклонившись подает знак рукой. Первой на лёд за спину, она быстро мчится по сверкающей льду. За Люсой Муромцевой устремляются Наташа Толонионникова и Люса Голобородко.

Движения их четки и уверены. Люса Муромцева далеко оторвалась от своих подруг. Ещё несколько метров — она сделает поворот. Вот Люса накрывается влево и плавно заносит в сторону правую ногу, чтобы начать поворот. Однако она не успела поставить её на лёд и неожиданно упала. И Люса слышит Яков Фёдорович. Тренер помогает девочке встать на ноги. Люса ушибла колено и немного прихрамывает.

— Это пустыни, — успокаивает её Яков Фёдорович и принимает объяснять Люсе причину её неудачи.

Второй раз Люса Муромцева выполнила поворот уже лучше. Но придирчивый Яков Фёдорович опять заметил неточности:

— Круто повернула... Не всё гладко получалось и у остальных девочек: Люса Голобородко слишком низко наклонилась вперёд, Наташа Толонионникова неправильно держала...

Для часа продолжалась тренировка. Юные спортсменки отработали повороты. Многие из них никогда до этого серьёзно не занимались общеспортивным спортом. В нынешнем году они впервые поступили в спортивную школу при стадионе Юных пионеров. Здесь под руководством опытных тренеров они изучают теорию и практику необыкновенного искусства, закалились и муштровались в тренировках.

Более ста мальчиков и девочек — учащихся московских школ — занимается в юношеской спортивной школе. Пройдут годы — и многие из них станут опытными юношечниками, мастерами, чемпионами.

Рисунок Г. Валашова

Лесная грамота

Идет лесом охотник. Трещит под ногами валежник. Шуршит трава. Мале что видит и слышит человек. А его и видит, и слышит, и чуется... Далеко ещё он, а птицы и звери уже убавают прощ, прощуси.

Но выпал снег — и сразу прозревает человек — ушей только чуют, слышат снежные страницы.

Вот широкимыя спонимые следы зайца. Сразу видно, как заяц вертется около осины, обгладывая торчащую кору. Потом, так же, не торчался, но большими прыжками он пошёл на ляду. Пова не ясно. Но что это? Вместо одного заячьего следа оказались целая тропа, которая вудит конясы и дальние следов нет, словно улетел заяц.

Приотроившись внимательно, различил: заяц вернулся своим следом обратно, потом опять воарвался и гоготался, самым прыжком изнулся в ближайший куст, вырыл из себя новый след, пробежал ещё немного и заел на дневной отдах мордой и соску запутанно следу. Пока человек разбирался в заячьем шифре, хитрый зверь успел незаметно кустам.

Узорной стёжкой пролезала снег горнистава тропа и вудит осину, только заяц сидит в снегу, тая заяц, что и спичечную горбушку не просунуть туда. Норм? Нет, прощ горнистый уклады шага человека, прощ отворение и вудит в снег, прощ под ним несколько метров. Обойди пошри вокруг такой Город и увидишь вымарнувший горнистый след. Неопытный охотник обязательно поставит у

такой норы капкан, а горнистый и не подумает больше вернуться к этому месту. Так и простоят хитрый лопухи без дела.

О многом рассказку снежные следы, только надо уметь читать их. Вот ровной цепочкой протянулись лесий нарык и вудит круто свернул в сторону. Виден прыжок, расквашенный яма в снегу и ослон не красная ягода крош. Это лисца на бегу усылкала мышшиный писк, кинулась, поймала мышца, быстро съела и снова деловито побрела своей дорожкой.

Лисий ход пересек заячий след. Почему ни лисца не пошла за зайцем? Всмотритса хорошеночно и увидишь, что заяц затроил след лисцы, — значить, прошёл позднее,

га спонимых следов на снегу отпечатанысь первые прыжки длидой чуть ли не в два метра. Это он, заяц, ещё отбавивать лес. И внезапно отступя рядом с заячьими прыжками появился новый след. Посмотреть вверх и увидишь, что на всех ветках лежит снег, а одна голая. С этой ветки и прыгну на заяца пова невдалеку для нас хищник.

Дальше уже нет следов зайца. Он кончился обранными белой шурки. Отсюда идут прочь только крупные отпечатки больших лап, очень похоних на кошачьи. Лесной следопыт прочтёт так: заяц вынулся с дерева на заяца, но промахнулся, и ей прыжки догнали — ударили добуку. Глядела хорошо закусил: видно по следу, что дальне пошла сытый зверь, шатами. Теперь охотник посмотрит, не зарыла ли заяц следовые остатки. Такие штуки часто продвывают хищник. Если зарыла, то тут обязательно надо поставить ладане равно или поодню прыжок, сдв заяц съел за остывшим мясом.

Как прыгнул и что делают звери, — всё рассказывает охотнику «сне-

живающий снег. Даже про тех зверей, которые с деревьев редко спускаются на землю.

Вот прерывистой тропкой тянется по снегу цепь бесформенных ямок. Падали деревья, вывалили снега — и только.

Отчего падали? Почему падали только здесь? Нет, это тоже звериный след: верхом прошла куница. Сначет зверь с ветки на ветку, с дерева на дерево, сбрасывая глыбы снега, а внизу остаётся дорожка — печатный след воздушного кута.

Дорожку охотники свеивалявшим снегом проудут две — три беснующие ноци, и запнутасы следы, смеются стёртые в ношвы, и только онемев отпытый следопыт, поцупав рукой отпечатки и встопиши, начал за последнее время была погода сумеет определить, куда прошёл здесь зверь.

А. СОЛОДОВНИКОВ

и леса, извечный враг заячьего племени, не могла видеть след зайца? Всмотритса хорошеночно и увидишь, что заяц затроил след лисцы, — значить, прошёл позднее, но не отвернулся. Вот вместо следа поставленных друг на дру-

В номере:

Вьют как Ленин. Перевая. В. Красильников — По заветам Ленина. Михаил Садовяну — Глашатая мира. Веседа. Г. Крижановский — Учитесь, совершенствуйтесь, держайте!

Борис Галич — Повторение Иры.

Георгий Рубаль — Инду в Москве. Стихи.

И. Колосов — Никита-музыкант. Рассказ.

На зимних просторах. Фотоочерк.

Ян Пялар — Гигант. Стихи.

Саида Мовила — Полушубок. Стихи.

Мария Колчакова — Песня о плотниках. Стихи.

Петер Кудач — Перо. Стихи.

Елена Колчачкова — Нарыв — мост, налево — мост. Стихи.

Алекс Чачи — Поварин Сталина. Стихи.

Я. Афанасьев — Успех Марии Минцгой.

Вереща честь, солодую! Читатель обслуживает статью А. Первухина.

Георгий Дмитриев — В штурмовую погоду. Рассказ.

Радость первых побед. Сед Григорян — Пониси и наводни, Александр Евсеев — Родные напевы. Р. Недосеини — Зодчий.

Евгения Вдиола — Заяц на сеесии. Васыя.

Самгит Абдукахар — Медвед-оратор. Васыя.

И. Полянов — Немешуй светский.

Вл. Масс и Мих. Чернишский — Воспитание бобы.

С. Шуртанов — Станционного планиания.

Вингор Смирнов — К заветному рубену.

На первой странице обложки: В. И. Ленин. Портрет работы худ. Соколова.

На четвёртой странице обложки: Фототюд В. Руйковича.

Формуление номера В. Урина.

КРОССВОРД

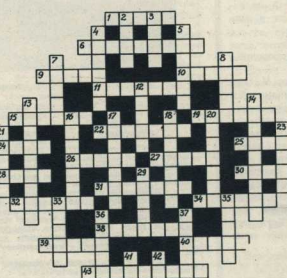
Составили А. Лапин и Л. Заарев (Горьковская область)

По горизонтали:

1. Сильный выскр. 6. Автор картинки «Отдых после боя».
7. Родил Г. Николаевич. 10. Живачное животное. 11. Русский писатель и общественный деятель. 15. Член детской организации. 19. Торжественное общество. 22. Таец. 24. Наклонная поверхность. 25. Место, где соедятся две стороны предмета. 28. Владыка на поверхности земли. 27. Архитектурный стиль. 29. Рыба. 30. Орган командования по управлению войсками. 31. Архитектурное сооружение. 32. Восемь ступень галлема. 34. Трагедия Шенявра. 38. Город в Грузинской ССР. 39. Лесной зверь. 40. Минерал. 43. Музыкальный инструмент. 44. Спортивный площадка.

По вертикали:

2. Планета. 3. Шерсть овцы. 4. Военная операция. 5. Советская шахматистка. 7. Вождь крестьянской революции. 8. Флаг, как торжественная эмблема. 12. Марксистская газета. 13. Отдел предприятия. 14. Мотор. 16. Персонаж романа Л. Шенявра «Россия верные соседи». 17. Город в РСФСР. 18. Озеро в СССР. 20. Человек, выраженный особой пренемей. 21. Город в Японии. 23. Река в Европе. 29. Водный вал. 33. Горой древнегреческой мифологии. 35. Рассказ А. Чехова. 36. Народно-политическое проиваждение. 37. Выскрвое, бурное движение атмосферы. 41. Волшебность. 42. Часть килетки животного или растительного организма.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-334-24.

А 10708.

Подписано и печатано 17/1 1953 г.

Заказ № 3279.

Формат бумаги 70 x 108%. 1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина Москва, ул. «Правды», 24.

В темпе марша. Решительно

mf *Solo*

Залпы, Авроры гремят над Невой,

rit. *Хор*

Вышел в просторы народ трудовой. Ночью о сен.ней в тот памятный год, Ле.нинский гений повел нас вперёд. Впе.

-рёд, ком.му.ни.сты! Пы.ла.ет за.ря, за.жгли мы из искры о.

-гонь Октяб.ря. За пар.ти.ей сле.дом на под.виг и труд к ве.

-ли. ким по.бе. дам народы и - дут, и. дут. // и - дут, и. дут.

The musical score is written for voice and piano. It features a vocal line with lyrics and a piano accompaniment. The score is divided into several systems, each with a vocal line and a piano line. The tempo is marked 'В темпе марша. Решительно' (In the tempo of a march. Determinedly). The first system includes a 'Solo' section for the piano. The lyrics are in Russian and describe the October Revolution and the role of the Communist Party. The score includes various musical notations such as dynamics (mf, rit.), articulation (accents), and performance instructions (Solo, Хор).

ВПЕРЕД, КОММУНИСТЫ!

Слова Александра МЕЖИРОВА

Музыка Марка ФРАДИНА

1
Залпы «Авроры»
Гремят над Невой,
Вышла в просторы
Народ трудовой.
Ночью осенней
В тот памятный год
Ленинский гений
Повел нас вперёд.

Припев:

Вперёд, коммунисты!
Пылает заря,

Зажгли мы из искры
Огонь Октября,
За партией следом
На подвиг и труд
И великими победам
Народы идут.

2

Там, где за волю
Мы битву вели,
Встали заводы,
Сады расцвели,
Степи омыла
Живая вода.

Армия Мира
На стороне труда.
Припев.

3

Наша Отчизна
Снова буре прошла,
Свет коммунизма
Над миром загля,
Сталин любимый
К вершинам ведёт.
Непокорный
Советский народ.

Припев.

Цена
номера
2 руб.

45
Гориссае

